

18+

ПАМЯТАВ ЛОШ ОРУЖЕЙНЫЙ ОСТРОВ

Амитаб Гош

Оружейный остров

«Фантом Пресс»

2019

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

Гош А.

Оружейный остров / А. Гош — «Фантом Пресс», 2019

ISBN 978-5-86471-934-3

Очень редкий по нынешним временам роман идей и роман-идея. Новую книгу Амитава Гоша можно назвать «ноосферным» романом, в нем он соединяет биологическую и социальную плоскости, духовное и рациональное, научное и мистическое, художественное и документальное. Но прежде всего, это роман о традиции и ее роли. Это роман об эпохе Кали-юга, о последних днях и катастрофе, которая надвигается на мир. Но упадку и разору можно противостоять. И именно это делают герои «Оружейного острова». Торговец редкими книгами Дин привык к тихой жизни, но однажды он вынужден отправиться в необычное путешествие, из Нью-Йорка в Индию, а затем в Венецию по запутанному маршруту – через воспоминания и опыт тех, кого он встречает на своем пути. Пия, американка бенгальского происхождения; Типу, предприимчивый молодой человек, который открывает Дину глаза на реалии взросления в современном мире; бенгалец Рафи с его отчаянной попыткой помочь нуждающимся; и итальянка Чинта, которая даст недостающее звено в таинственной истории, частью которой они все являются. Отчасти роман-приключение, отчасти детектив, отчасти роман о постижении себя, новая книга Амитава Гоша – прежде всего о том, что мир целиком и полностью зависит от наших поступков, решений, мыслей.

УДК 821.111
ББК 84(5Инд)

ISBN 978-5-86471-934-3

© Гош А., 2019
© Фантом Пресс, 2019

Содержание

Часть первая. Оружейный Купец	7
Калькутта	7
Чинта	16
Типу	31
Святилище	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Амитав Гош Оружейный остров

Анне Надотти и Ирен Биньярди

Gun Island by Amitav Ghosh
Copyright © Amitav Ghosh 2019

© Александр Сафронов, перевод, 2023
© Андрей Бондаренко, оформление, 2023
© “Фантом Пресс”, издание, 2023

phantom press

Часть первая. Оружейный Купец

Калькутта

Вся невидаль сих удивительных странствий в том, что на них подвигло слово, причем не какое-то экстравагантное, но самое заурядное, имеющее широкое хождение от Каира до Калькутты. Слово это – *бандук*, что во многих языках, включая мой родной бенгальский (или бангла), означает “огнестрельное оружие”. Оно, слово, не чуждо и английскому языку, ибо через британские колонии отыскало себе дорогу в “Оксфордский словарь”, где толкуется как “ружье”.

Однако в день начала странствий ничего стреляющего не было на горизонте, оружие даже не поминалось. И вот именно потому слово привлекло мое внимание, поскольку оно было составной частью прозвища “Бондуки Садагар”, что можно перевести как “торговец оружием”.

Оружейный Купец вошел в мою жизнь не в Бруклине, где я обитаю и работаю, но в городе, где я родился и вырос, – Калькутте (или Колкате, в его нынешнем официальном названии). В тот год, как и во многие другие, под предлогом деловой необходимости я провел там почти всю зиму. Моя профессия букиниста-антиквара, специализирующегося в восточных изданиях, требует частых разъездов, и поскольку в Колкате у меня есть небольшие апартаменты (выделенные мне сестрами в доме, который мы унаследовали от родителей), город этот стал моей второй базой для деловых операций.

Однако причиной моих ежегодных наездов была не одна работа: Колката служила мне убежищем не только от злобной холодрыги бруклинской зимы, но и от одиночества, которое с годами, невзирая на мою профессиональную успешность, стало просто невыносимым. А уж в тот год ощущение безысходности было особенно сильно, ибо внезапно рухнули многообещающие отношения: женщина, с которой я уже долго встречался, без всяких объяснений порвала со мной, заблокировав все наши обычные каналы связи. Это стало моим первым знакомством с “гостингом”¹, опытом в равной степени унижительным и болезненным.

С учетом моего шестидесятилетия, маячившего в не столь уж отдаленном будущем, я вдруг понял, что одинок как никогда. И потому отправился в Калькутту раньше обычного, подгадав своей приезд к сезонной миграции больших стай “заграничных” калькуттцев, которых холода в северных широтах заставляли, как и меня, встать на крыло и лететь на зимовку в родные края. Я знал, что повидаяюсь с уймой друзей и родичей, что время пролетит в круговерти званных обедов, ужинов и свадебных застолий. Не скрою, мелькала мысль и о возможной

¹ Гостинг – от английского ghost, призрак, – резкое прекращение романтических или дружеских отношений, игнорирование любых попыток выйти на связь. – *Здесь и далее примеч. перев.*

встрече с женщиной, с которой я свяжу свою жизнь (такое и впрямь случалось со многими мужчинами моей меры зрелости).

Но конечно, ничего этого не произошло, хоть я не упускал возможности повращаться в определенных кругах и был представлен изрядному числу разведенков, вдов и прочих одиноких женщин соответствующего возраста. Порой я даже чувствовал, как разгораются угольки надежды, но затем в несчетный раз убеждался, что в английском языке вряд ли сыщется менее привлекательное для женщины слово, нежели “букинист”.

Время пролетело водопадом разочарований, и уже был совсем недалек день моего возвращения в Бруклин, когда я отправился на свое последнее светское мероприятие в Калькутте – свадьбу двоюродной племянницы.

Едва я прибыл к месту проведения торжества – душному клубу в колониальном стиле, как ко мне подвалил Канай Датт, мой дальний родственник.

Я ничуть не жалел, что уже давно не видел этого тщеславного болтуна и скороспелого всезнайку, который с помощью хорошо подвешенного языка и смазливой внешности, привлекавшей женщин, торил себе дорогу в свете. Обитая главным образом в Нью-Дели, он процветал в тепличной городской атмосфере, став таким любимцем средств массовой информации: как ни включишь телевизор, Канай с пеной у рта разглагольствует в каком-нибудь ток-шоу. Он знал, как говорится, всех и вся, о нем часто писали в журналах, газетах и даже книгах.

Больше всего в нем раздражало то, что он всегда находил способ меня поддеть. Вот и нынче он начал с крученой подачи в виде моего детского прозвища Динуг, от которого я давно отказался ради более американского на слух имени Дин.

– Поведай-ка мне, Дину, – сказал он после небрежного рукопожатия, – верно ли, что ты считаешь себя экспертом в бенгальском фольклоре?

Насмешка, слышавшаяся в вопросе, меня покорибила.

– Когда-то давно я занимался этой темой, – пробурчал я, – но не возвращался к ней с тех пор, как окончил академию и стал букинистом.

– Однако ты получил ученую степень, верно? – с неприкрытой издевкой уточнил Канай. – То есть формально ты эксперт.

– Я бы так себя не назвал...

– А скажи-ка мне, господин эксперт, – бесцеремонно перебил Канай, – слыхал ли ты о персонаже по имени Бондуки Садагар?

Он явно хотел меня удивить, в чем преуспел: имя это (Оружейный Купец) было мне совершенно незнакомо, и я даже счел его выдумкой.

– Что значит – персонаж? – спросил я. – Ты говоришь о каком-то фольклорном герое?

– Ну да, вроде Докхин Рая или Чанда Садагара...

Канай принялся перечислять известных персонажей бенгальского фольклора – Сатью Пир, Лакхиндара и прочих, не вполне богов, но и не простых смертных: подобно приливным отмелям в речной дельте, они появляются при слиянии разных течений. Порой в увековеченье их памяти возводят святилища, почти всегда они связаны с какой-нибудь легендой. И поскольку Бенгалия омывается океаном, зачастую мореплавание – важный элемент этих сказаний.

Самая знаменитая легенда – история о Чанде Садагаре, купце Чанде, который бежал за море, спасаясь от притязаний Манасы Дэви, повелительницы змей и прочих ядовитых тварей.

В детстве моем купец Чанд и его врагиня Манаса Дэви занимали столь же значительную часть моего мира фантазий, какую позже, когда я выучу английский и начну читать комиксы, займут Бэтмен и Супермен. В то время в Индии не было телевидения, и потому истории служили единственным развлечением детей. Если же рассказчик был бенгальцем, рано или поздно он добирался до легенды о купце и богине, возжелавшей его поклонения.

По-моему, история эта хороша тем, что в ней, как и в “Одиссее”, находчивый герой-человек противостоит гораздо более мощным силам, земным и небесным. Однако индийская легенда отличается от греческой поэмы, в которой герой благополучно возвращается к родным пенатам, – в свою брачную ночь сын купца Лакхиндар погибает от укуса кобры, и лишь усилиями его добродетельной супруги Бехулы душа юноши возвращается из царства мертвых, а в схватке купца с богиней достигнуто зыбкое примирение.

Я не помню, когда впервые услышал эту историю и кто ее поведал, но благодаря многократным повторениям она глубоко проникла в мое сознание, о чем я даже не подозревал. Некоторые легенды, подобно определенным организмам, обладают особой живучестью, позволяющей им пережить другие истории; сказ о купце и богине очень древний, и он, я полагаю, наделен этим свойством, ибо способен выбираться из периодов долгой дремы. Во всяком случае, когда я, двадцатилетний студент, недавно прибывший в Америку, выискивал тему научной работы, история о купце растопила вечную мерзлоту моей памяти и вновь всецело завладела моим вниманием.

Читая многочисленные эпические поэмы, излагающие историю купца, я понял, что в культуре Восточной Индии легенда занимает место, удивительно схожее с ее нишей в моем сознании. Истоки легенды можно проследить до самого младенчества бенгальской памяти – навеянная конкретными историческими фигурами и событиями, она, вероятно, родилась в гуще коренного народа, населяющего данный регион (по сей день массовое сознание связывает места археологических раскопок в Ассаме, Западной Бенгалии и Бангладеш с семьей купца). И в народной памяти легенда как будто проходит через разные жизненные циклы: то столетиями дремлет, то вдруг оживает в новой волне пересказов, в которых чуть меняется сюжет, а знакомые персонажи выступают под иными именами.

Несколько таких поэм считаются классикой бенгальской литературы, и одна из них – шестисотстраничное произведение на старобенгальском – стала темой моей научной работы. Традиционно считалось, что текст был создан в четырнадцатом веке, но, разумеется, общепринятое мнение – наилучший раздражитель для честолюбивого ученого, а потому в своей работе я оспаривал этот взгляд и, приводя содержащиеся в поэме детали (например, упоминание картофеля), утверждал, что свой окончательный вид она обрела гораздо позже. Возможно, заявлял я, последний вариант уже иного авторства появился в семнадцатом веке, много позже того, как португальцы ознакомили Азию с овощами из Нового Света.

Далее я доказывал, что жизненные циклы легенды – оживление после долгой спячки – соотносятся с периодами экономических подъемов и спадов, происходившими в семнадцатом веке, когда в Индии возникали первые европейские колонии.

Я думаю, эта финальная часть моей работы наиболее впечатлила экзаменаторов (не говоря уж о журнале, опубликовавшем статью, в которой я суммировал свои доводы). Оглядываясь назад, и меня изумляет не юношеская гордыня, сподобившая на все эти аргументы, но моя тупость, не позволившая понять, что выводы, к которым я пришел, применимы и к существованию легенды в моей собственной памяти. Я не задался вопросом, не потому ли она возникла в моих мыслях, что в то время я продирался сквозь самые вихревые годы своей жизни, пытаясь отойти от двойного потрясения: смерти моей возлюбленной и переезда, произошедшего благодаря чуду стипендии, из раздираемой распрями Калькутты моей юности в безмятежный университетский городок американского Среднего Запада. Когда это время наконец-то минуло, я был полон решимости больше никогда не изведать подобного сумбура. Я не жалел усилий ради тихой, умеренной, бессобытийной жизни и вполне в том преуспел, а потому в тот день, когда на калькуттском свадебном застолье Садагар в личине Оружейного Купца вновь возник в моей жизни, мне и в голову не пришло, что моему тщательно спланированному умиротворению может наступить конец.

– Ты ничего не напутал с именем? – усомнился я. – Может, ослышался или еще что?

Но Канай твердо стоял на своем, уверив, что Оружейного Купца помянул осознанно.

– Тебе, конечно, известно, что в нашем фольклоре персонаж, которого называют Купец, появляется под самыми разными именами, – сказал он в своей противно снисходительной манере. – Иногда истории связаны с определенными местами, и у меня такое ощущение, что легенда о Бондуки Садагаре вышла из здешних краев.

– Почему?

– Потому что она связана с *дхаамом*, святилищем, в Сундарбане².

– Где? – Мысль о святилище, укрытом в облюбованном тиграми мангровом лесу, показалась до того нелепой, что я рассмеялся. – Зачем кому-то строить дхаам на болотах?

– Наверное, затем, – невозмутимо ответил Канай, – что для всякого бенгальского купца нет иного пути к морю, как через Сундарбан. Это рубеж, где лицом к лицу встречаются коммерция и глушь, где идет война между наживой и природой. Есть ли лучшее место для святилища в честь Манасы Дэви, нежели кишаций змеями лес?

– Но хоть кто-нибудь его видел? – спросил я.

– Мне не довелось, а вот моя тетушка Нилима там побывала.

– Ты говоришь о Нилиме Бозе?

– О ней самой. Она-то и рассказала мне о Бондуки Садагаре и святилище. Тетя прослышала, что ты в Колкате, и просила передать: она будет рада, если ты ее наведишь. Ей далеко за восемьдесят, она прикована к постели, но разум ее по-прежнему ясен. Тетушка хочет поговорить с тобой о святилище, она полагает, тебя это заинтересует.

Я помешкал.

– Не знаю, сумею ли выкроить время. Днями я возвращаюсь в Нью-Йорк.

Канай пожал плечами:

– Дело твое. – Он дал мне визитку, на которой перед тем записал имя и номер телефона. Взглянув на карточку, я ожидал увидеть имя его тетки, но там значился кто-то другой.

– Пия Рой. Кто это?

– Приятельница. Американка бенгальского происхождения, преподает где-то в Орегоне. Зимой она, как и ты, проводит здесь и обычно квартирует у моей тетушки. Сейчас она там и устроит вашу встречу с тетей, если надумаешь. Позвони ей. Я думаю, ты не пожалеешь, Пия женщина интересная.

Имя тетушки Каная придало вес тому, что поначалу выглядело байкой. Над историей от Нилимы Бозе глумиться не следовало: авторитет личности, которую обхаживали политики, почитали благотворители, принимали с распростертыми объятьями спонсоры и превозносила пресса, был непререкаем.

Происходя из рода богатых калькуттских законников, Нилима бросила вызов семейству, выйдя замуж за обнищавшего школьного учителя. Было это в начале пятидесятых годов, после бракосочетания молодожены перебрались в Лусибари, городок на краю Сундарбана. Через несколько лет Нилима основала женское общество, которое переросло в Фонд Бадабон, одну из самых уважаемых в Индии благотворительных организаций. Ныне фонд управлял широкой сетью бесплатных больниц, школ, амбулаторий и мастерских.

В последние годы информацию о деятельности Нилимы я получал в основном через групповой чат дальних родственников; личные наши встречи имели место очень давно – во времена моей ранней юности пути наши раз-другой пересеклись на семейных сборищах. За давностью лет я был удивлен и даже немного польщен тем, что Нилима меня помнит. В таких обстоятельствах, сказал я себе, было бы невежливо не позвонить по номеру, полученному от Каная.

² Самый большой на земле мангровый лес в дельте Ганга в Индии и Бангладеш, часть которого занимают пресноводные болота.

На другой день я набрал этот номер, и мне ответил женский голос с безошибочно американским выговором. Пия явно ожидала моего звонка, ибо с места в карьер сказала:

– Здравствуйте. Вы мистер Датта?

– Да, только, пожалуйста, называйте меня Дин, это уменьшительное от Динаната.

– А я – Пия, что уменьшительное от Пияли. – Говорила она отрывисто, резковато и вместе с тем дружелюбно. – Канай сказал, что вы можете позвонить. Нилима-ди о вас спрашивала. Ну как, вы сумеете ее навестить?

Прямота и серьезность ее выглядели притягательно. Я вспомнил характеристику, данную ей Канаем – “Пия женщина интересная”, и мне вдруг стало крайне любопытно. Забыв о приготовленных отговорках, я сказал:

– Я охотно повидаюсь с ней. Только лучше не затягивать, поскольку через пару дней я отбываю в Штаты.

– Минутку, я перемолвлюсь с Нилимой-ди. – Возникла пауза, потом Пия вернулась на линию. – Вы смогли бы прийти сегодня?

На утро я запланировал много разных дел, но все они вдруг показались неважными.

– Да. Если удобно, я буду у вас через час.

Пия назвала адрес фамильного особняка, расположенного в Баллигандж-Плейс, одной из самых шикарных окрестностей Колкаты. В этом доме я не бывал давно, но хорошо помнил, как приходил туда вместе с родителями.

Выйдя из такси, доставившего меня по адресу, я обнаружил, что старого дома больше нет – как и многие другие роскошные особняки, его снесли, заменив современным многоквартирным строением, в котором места хватало всем наследникам, претендовавшим на семейную недвижимость.

В новом здании, выдержанном в необычном стиле, двери лифта и всех апартаментов имели изящные “дизайнерские” штрихи. Исключение составляло лишь одно жилье, где на двери без всяких украшательств была табличка “Нилима Бозе, Фонд Бадабон”.

На мой звонок дверь открыла стройная невысокая женщина с легкой проседью в коротко стриженных волосах. Джинсы и майка подчеркивали ее мальчишеский облик, в котором все было ладно и невелико, кроме больших глаз, казавшихся еще крупнее из-за белков, очень ярких на фоне смуглой шелковистой кожи. Лицо без всякой косметики и каких-либо украшений. Лишь проколотая ноздря извещала о некогда носимой вставке.

– Здравствуйте, Дин. Я Пия, – сказала женщина, пожимая мне руку. – Входите, Нилима-ди вас ждет.

Перешагнув порог, я понял, что апартаменты поделены на две части, переднюю из которых занимает контора фонда, озаренная светом дюжины мониторов. Серьезные юноши и девушки, сосредоточенно работавшие за компьютерами, даже не взглянули на нас, когда мы проследовали в жилую часть.

Пия провела меня в опрятную, залитую солнцем комнату. Обложенная подушками и по грудь укрытая одеялом, Нилима возлежала на удобной кровати. И вообще миниатюрная, она как будто усохла с тех пор, как я видел ее последний раз. Но округлое лицо с ямочками на щеках и искристые глаза за стеклами очков в металлической оправе ничуть не изменились.

Пия подставила стул к кровати.

– Я вас оставляю. – Она ласково похлопала старуху по руке. – Не утомляйтесь, Нилима-ди.

– Не стану, дорогая, – сказала Нилима по-английски. – Обещаю.

Улыбаясь, она проводила взглядом Пию и перешла на бенгальский:

– Такая милая девочка. И сильная. Не знаю, что бы я без нее делала.

Я подметил, что в ее бенгальском появились просторечные нотки сельчан Сундарбана. Английский же ничуть не утратил былой аристократичной плавности.

– Нынче фондом управляет она, – продолжила Нилима. – Счастлив день, когда Пия приехала в наши края.

– Много времени проводит она в Сундарбане? – спросил я.

– О да, в каждый свой приезд оттуда почти не выезжает.

Оказалось, Пия занимается морской биологией, что и привело ее в Сундарбан. Нилима дала ей жилье и поддержала ее исследования. Постепенно Пия все больше занималась делами фонда.

– Она проводит здесь каждый свой отпуск, – сказала Нилима. – Приезжает летом и зимой при первой возможности.

– Вот как? Значит, у нее нет семьи? – Я постарался не выглядеть чрезмерно любопытным. Нилима окинула меня лукавым взглядом.

– Она не замужем, если тебя интересует это.

Я отвел глаза, наигрывая безразличие.

– Но что-то вроде семьи у нее есть. Пия приютила вдову и сына местного крестьянина, который погиб, сопровождая ее в экспедиции. Она всеми силами помогала Мойне, вдове, вырастить мальчика. – Нилима помолчала и поправилась: – Во всяком случае, пыталась помочь... – Старуха вздохнула и тряхнула головой, словно вспомнив о причине моего визита. – Я разболталась, а ты ограничен временем.

По правде, мне так хотелось узнать о Пие больше, что я ничуть не возражал против болтовни на сию тему. Но сказать о том я не мог, а потому достал из кармана маленький диктофон, который обычно брал с собой, отправляясь на поиски антиквариата.

– Ты собираешься записывать? – удивилась Нилима.

– Привычка. Я неисправимый секретарь и архивариус. Не обращайтесь внимания на машинку, это пустяки.

Нилима знала точно, когда впервые услышала об Оружейном Купце. Дату она записала в гроссбухе с ярлыком “Отчет о ликвидации последствий циклона 1970 года”. Книга эта, доставленная из архива фонда, лежала на прикроватной тумбочке. Раскрыв ее, Нилима показала мне запись на бенгальском, сделанную сверху страницы: “Бондуки Садагарер дхаам” (Святынище Оружейного Купца). Ниже стояла дата: “20 ноября 1970 г.”.

Восемью днями ранее (если уж точно, 12 ноября 1970 года) над бенгальской дельтой пронесся циклон четвертой шкалы³, обрушившийся на индийскую провинцию Западную Бенгалию и страну под тогдашним названием Восточный Пакистан (через год она станет новым государством Бангладеш). В ту пору местным ураганам имен не давали, но циклон семидесятого года станет известен как Бхола.

Что касалось причиненного им ущерба, тайфун был самым губительным стихийным бедствием двадцатого столетия: по осторожным подсчетам, он унес триста тысяч жизней, однако истинное число жертв, скорее всего, приближается к полумиллиону. Очень сильно пострадал Восточный Пакистан, где в то время политическая напряженность достигла точки кипения. Вялый отклик Западного Пакистана на катастрофу спровоцировал войну за независимость, окончившуюся созданием Бангладеш.

В Западной Бенгалии удар циклона принял на себя Сундарбан. Лусибари, остров, где обитала Нилима с мужем, подвергся большим разрушениям: на огромной части его штормовая волна смыла все дома и прочие строения.

³ Шкалы тропических циклонов разнятся для каждого океанского бассейна, циклон четвертой шкалы в северной части Индийского океана – самый мощный и разрушительный.

Однако урон этот был лишь бледной тенью того, что претерпели острова и поселения южнее. Об этом Нилима узнала позже из рассказа своего знакомого, юного рыбака Хорена Наскара, который был в море и собственными глазами видел разгул стихии.

Поведанное рыбаком подтолкнуло Нилиму к созданию команды добровольцев по сбору и распределению гуманитарной помощи. В нанятой лодке, которой правил Хорен, она вместе с помощниками развозила продукты и вещи по прибрежным деревням.

Всякий раз глазам представала ужасная картина: деревеньки, до основания разрушенные волной, догола ободранные деревья, плавающие в воде трупы, объединенные зверями, обезлюдившие селения. Ситуация усугублялась нескончаемым потоком беженцев из Восточного Пакистана, которые, спасаясь от беспорядков на родине, пересекали границу с Индией. Через некоторое время поток превратился в потоп, принесший множество голодных ртов в край, в котором и без того уже была отчаянная нехватка еды.

Однажды утром Хорен направил лодку к той части Сундарбана, где полноводная река Раймангал служила рубежом двух государств. Обычно Нилима избегала тех мест, печально известных контрабандистами и мощными течениями, заставлявшими неумышленно нарушать границу.

Не без труда Хорен держался ближе к индийскому берегу, и вскоре впереди показалась песчаная коса, на которой некогда стояла деревня. Сейчас от поселения осталось лишь несколько покривившихся столбов, все до последнего строения были смыты волной, сопровождавшей циклон.

Заметив людей, Нилима велела причалить к берегу. По виду деревни она предположила, что многие жители погибли или искалечены, однако ее ждала неожиданность: никто не пострадал, мало того, крестьяне умудрились сохранить свои пожитки и запасы провианта.

Чему же они обязаны таким везением?

Ответ поразил: сие чудо, сказали сельчане, сотворила Манаса Дэви, богиня змей и покровительница близлежащего дхаама.

Когда небеса потемнели, возвещая прибытие шторма, в святилище ударил колокол. Жители кинулись в его укрытие, прихватив с собою еду и вещи, какие могли унести. Стены и крыша святого места не только уберегли их от бури, но затем послужили пристанищем, обеспечившим чистой колодезной водой – редчайшим благом в Сундарбане.

Нилима захотела увидеть святилище, и крестьяне сопровождали ее к невысокому взгорку, прилично отстоявшему от берега и окруженному густыми мангровыми зарослями.

Собственно строение, возле которого слонялась уйма людей и высились груды их пожитков, ей помнилось смутно. В памяти остались изогнутая крыша, похожая на перевернутую лодку, и высокие стены, очертаниями напоминавшие знаменитые храмы Бишнупура.

Нилима спросила, нельзя ли ей поговорить со смотрителем святилища. Через некоторое время к ней подошел седобородый мусульманин в белой тюрбейке. Из беседы с ним Нилима узнала, что он лодочник-*маджхи*, родом с другого берега реки Раймангал. Мальчишкой он иногда подсоблял семейству индийских *гаянов*, сказителей, которые ухаживали за святилищем и сберегали *панчали*, эпическую песнь о событиях легенды, изустно передавая ее из поколения в поколение. С годами семейство выродилось, и его последний член перед смертью попросил лодочника взять на себя заботу о святилище. Было это давно, за десятилетие до раздробления индийского субконтинента в 1947-м; с тех пор лодочник присматривает за дхаамом, ставшим его домом, в котором он живет с женой и сыном.

Не странно ли ему, мусульманину, спросила Нилима, быть смотрителем святилища в честь индийской богини? Дхаам почитают все, независимо от религии, сказал лодочник. Индусы верят, что он под надзором Манасы Дэви, а мусульмане считают его местом обитания джиннов, которых оберегает магометанский *пир*, святой, по имени Ильяс.

Но кто и когда построил святилище?

Лодочник замялся. Он плохо знал легенду, помнил лишь пару-другую отрывков.

Нет ли ее письменной версии? – спросила Нилима. Нет, сказал лодочник, такова была воля Оружейного Купца, чтобы сказание передавалось только изустно. К сожалению, лодочник его так и не заучил, память держала лишь несколько строф.

Сдавшись уговорам, он прочел пару строчек, которые накрепко засели в памяти Нилимы, ибо походили на чрезвычайно любимые ею стишки-нескладушки.

*Колкатаей токхон на чхило лок на макан
Банглар патани токхон нагар-э-джахан.*

Калькутта была ни кола ни двора,
Но порт великий был столицей мира.

Глянув на меня, Нилима смущенно рассмеялась, словно устыдившись того, что потчует собеседника этакими глупостями.

– Бессмыслица, верно? – сказала она.

– Пока не ясно. Рассказывайте дальше.

Нилима насадала с расспросами, но лодочник все больше замыкался, ссылаясь на свое неведение и уверяя, что большинству людей смысл легенды недоступен. Однако Нилима не отставала, сумев выудить сюжетную канву, оказавшуюся весьма схожей с историей купца Чанда.

Как и тот, состоятельный Оружейный Купец прогневил Манасу Дэви своим отказом поклоняться ей. Измаявшись от нашествия змей, засухи, голода, бурь и других бедствий, он, спасаясь от гнева богини, бежал за море и укрылся в краю, где не водились змеи. Называлось то место *Бондук-двин*, Оружейный остров.

Нилима прервала рассказ и спросила, знакомо ли мне это название.

– Никогда не слышал. – Я покачал головой. – Похоже на волшебную страну из народных сказок.

– В легенде поминались и другие названия, да только я их запомнила, – покивала Нилима.

Однако и на острове не было спасения от Манасы Дэви. Образ богини, как-то раз проступивший с книжной страницы, уведомил беглеца, что у нее глаза повсюду. На ночь Купец заперся в комнате с железными стенами, но даже это не помогло: его ужалила крохотная ядовитая тварь, проникшая в дом сквозь трещину в стене. Еле-еле оправившись от укуса, Купец бежал с острова, но в море его корабль захватили пираты. Они держали пленника в подземелье, а потом повезли на *Схикол-двин*, Цепной остров, чтобы продать в рабство. И вновь возникла Манаса Дэви. Поклоняйся мне и построй святилище в мою честь, сказала богиня Купцу, тогда станешь свободен и богат.

Бедолага наконец сдался и принес клятву возвести храм во славу богини, пусть только она поможет ему вернуться на родину. Тотчас оковы его спали и свершилось чудо: корабль заполнили всевозможные морские и небесные твари. Пока пираты от них отбивались, пленники захватили корабль со всем награбленным добром. Получив свою долю добычи, Купец смог направиться в родные края. По дороге он выгодно торговал и в Бенгалию вернулся богачом. Удивительная история наградила его прозвищем Бондуки Садагар, давшим имя и святилищу.

– Ну вот вроде и все. – Нилима пожала плечами. – Лодочник ничуть не удивился моим словам о том, что это какая-то невнятица: “А что я говорил? Легенда полна секретов, недоступных тому, кто не знает их смысла”. Он помолчал и добавил: “Возможно, в свое время кто-нибудь их поймет, и тогда ему откроется мир, незримый для нас”. Не знаю почему, но история

эта засела у меня в голове. – Нилима иронично усмехнулась. – Не давала мне покоя, требовала в ней разобраться. Однако потом за всеми делами она как-то забылась и только вот недавно, когда я читала материалы о циклоне семидесятого года, вдруг опять всплыла в памяти.

– Вы побывали в святилище лишь однажды? – спросил я.

– Да, то был единственный раз. Потом я еще видела храм издали, но недостаток времени не позволил сделать остановку. Было это лет десять тому назад. Я надеюсь, святилище пока цело, но поди знай, сколько еще оно просуществует? То и дело море поглощает острова Сундарбана, они исчезают прямо на глазах. Вот почему я считаю необходимым хоть как-то запечатлеть этот храм; насколько я понимаю, он – значительный исторический памятник.

– Вы пытались связаться с индийским археологическим надзором? – спросил я, выказывая участие.

– Я им писала, но контора не проявила никакого интереса. – Нилима глянула на меня и улыбнулась, явив ямочки на щеках. – И тогда я подумала о тебе.

– Вот как? – опешил я. – Почему?

– Ты же увлекаешься древностями, верно?

– Да, но совсем иного рода. Я имею дело со старинными книгами и рукописями, часто разъезжаю по библиотекам, музеям и старым дворцам, однако я далек от археологии.

– Ну, может, хотя бы взглянешь на то место?

Я не отказался сразу и наотрез лишь потому, что не хотел выглядеть неучтивым. В тот момент поездка казалась мне невозможной, ибо в конце недели я отбывал в Нью-Йорк и даже составил график деловых встреч на много дней вперед. И самое главное, меня отнюдь не прельщали мангровые леса на болотах.

Ища отговорку, я промямлил:

– Вряд ли выкрою время, никак нельзя пропустить мой рейс...

Однако Нилима была не из тех, кто сдается легко.

– Это не потребует много времени, – возразила она. – Ты обернешься за один день. Я охотно все устрою.

Я выискивал способ вежливо отказаться, и тут в комнату вошла Пия. Нилима, не мешкая, взяла ее в союзники:

– Скажи ему, Пия, что поездка к святилищу будет недолгой. Он боится опоздать на свой рейс в Америку.

Пия спросила, в котором часу вылет, и заверила:

– Не волнуйтесь, вы вполне успеете.

– Точно ли?

– Точнее не бывает, – сказала Пия и огорченно добавила: – Я бы с радостью составила вам компанию, но не смогу. К сожалению, я уезжаю на конференцию в Бхубанешваре и вернусь только на следующей неделе. Если все же надумаете поехать, я пригляжу, чтобы о вас позаботились.

Улыбка ее поколебала мою решимость.

– Хорошо, я подумаю, – сказал я и, сунув диктофон в карман, попрощался с Нилимой.

Пия провела меня в соседнюю комнату, где представила дородной густобрововой даме в сине-белом сари, то бишь форме сиделки.

– Познакомьтесь с Мойной Мондал, любимой нянечкой Нилимы. – Пия обняла даму за плечи. – За эти годы мы с ней сроднились, точно сестры. Если решите поехать, Мойна легко и просто все организует, избавив вас от всяческих хлопот.

Она говорила так бодро и уверенно, что я уж было дал согласие, однако что-то меня удержало.

– Мне нужно кое-что проверить, – сказал я. – Ничего, если я свяжусь с вами завтра утром?

– Конечно. Спешить некуда.

Чинта

Когда я покидал апартаменты Нилимы, в голове моей царил сумбур. Разумная, практичная и осторожная часть меня была категорически против поездки. В дороге я всегда жутко нервничаю, и риск опоздать на рейс населял паникой. Кроме того, я не надеялся обнаружить что-нибудь для себя интересное с профессиональной точки зрения: если в святилище что и было ценного, оно, конечно, давно сгинуло.

Однако вот, Пия. Что-то в ней напомнило мне Дургу, мою давнюю первую любовь. Сходство было не столько во внешности, сколько в поведке и взгляде – угадывались идеализм и целеустремленность, свойственные моей бывшей возлюбленной.

Я чувствовал, что охотно пустился бы в путь, если б меня сопровождала Пия. И это пугало, усиливая мое смятение. Не так давно мой бруклинский психотерапевт сказала, что я пребываю в крайне уязвимом состоянии и склонен к самообману в том, что касается отношений, не имеющих ни малейшей перспективы. В вашем положении, предостерегла она, особо опасно увлекаться недостижимыми женщинами, которым вы не пара. Ни к чему вам очередная неудача.

Слова эти гулким эхом звучали в голове, покуда я добирался до своей квартиры.

К концу дня я почти твердо решил, что никуда не поеду. Однако тем вечером одна из моих сестер пригласила меня на ужин, и я, придя к ней, застал все ее семейство от мала до велика прикованным к телевизору. И что же, вы думаете, они смотрели? Дико осовремененную версию легенды о Манасе Дэви. Мне пояснили, что сейчас это самая популярная программа на местном телеканале. История Купца явно переживала очередное возрождение не только в моей голове, но и в культуре вообще.

Мысль эта меня беспокоила.

Позже, когда я, вернувшись к себе, наводил порядок на столе, на глаза мне попался диктофон. Я хотел удалить беседу с Нилимой, но случайно нажал не ту кнопку и включил воспроизведение. Я рассеянно слушал запись до того момента, когда Нилима прочла стихотворные строки:

Калькутта была ни кола ни двора,
Но порт великий был столицей мира.

И что-то в них привлекло мое внимание. Я нажал кнопку паузы, затем еще несколько раз прослушал этот кусок.

Сперва строчки показались бессмысленными, но потом, вслушавшись, я вдруг понял, что их размер и ритм соответствуют одному особенному жанру народных сказаний, одарившему ценными историческими открытиями. Интересно, что лодочник произнес эти строки в ответ на вопрос Нилимы о времени постройки святилища. Не пытался ли он обозначить дату или эпоху?

Общеизвестно, что подобные сказания зачастую умышленно загадочны. Хотя в данном случае первая строчка не столь уж таинственна – она, видимо, подразумевает, что святилище было построено еще до основания Калькутты в 1690 году.

А что насчет второй, более загадочной строки?

Слова “порт великий” явно отсылали к предшественнику Калькутты, главному урбанистическому центру Бенгалии. Никакого сомнения, что речь о Дакке, нынешней столице Бангладеш.

Однако титул “столица мира” не вписывался в контекст, я не знал случаев, когда словосочетание *нагар-э-джахан* на персидском или урду применялось бы к Дакке. Как же оно сюда пробралось?

И тут меня осенило, что и во второй строчке, возможно, зашифрована дата.

Так вышло, что корни моей семьи уходят в ту часть бенгальской дельты, которая сейчас именуется Бангладеш; после расчленения субконтинента предки мои перебрались в Индию, но прежде долго жили в Дакке. Я силялся вспомнить рассказы о своих пращурах, как вдруг у меня промелькнула одна мысль. Я открыл ноутбук и сделал запрос в поисковой строке.

Через пару секунд был дан ответ.

Вот какой: Дакка считалась столицей Бенгалии, входившей в состав империи Великих Моголов. Во времена правления четвертого падишаха Джахангира (Покорителя мира) столица была переименована в его честь и называлась Джахангир-нагар.

Так, возможно, *нагар-э-джахан* – это игра слов, зашифрованная отсылка к Дакке семнадцатого столетия?

Если так, то, выходит, святилище было построено в период между 1605-м, годом восшествия на престол падишаха Джахангира, и 1690-м, датой основания британцами Калькутты.

После сего вывода и все другое вроде как встало на свои места. Скажем, явное влияние фарси, заметное в двустишии, объяснялось тем, что в семнадцатом веке бенгальский язык впитал много слов и выражений из персидского, арабского, а также португальского и голландского языков.

Дата постройки между 1605-м и 1690-м подкреплялась еще одной деталью из рассказа Нилимы: святилище напомнило ей храмы Бишнупура. А именно в то время в Бенгалии процветал архитектурный стиль, удачно повенчавший исламские и индуистские мотивы.

Заманчиво выглядела и неоднократно повторяющаяся тема *бандука* – слова, заимствованного бангла из персидского и арабского языков. Ну да, ведь моголы были знаменитой “пороховой империей”. Подобно своим современникам, турецким оттоманам и иранским сефевидам, они удерживали власть силой оружия. Вполне возможно, что святилище Оружейного Купца – этакое народное увековечение той поры.

Гипотеза казалась любопытной, однако не настолько, чтобы ради нее совершить хлопотную и рискованную поездку в Сундарбан.

Решив с этим, я обратил мысли к своей иной, бруклинской ипостаси и потому отнюдь не случайно надумал проверить, не разрядился ли мой американский мобильник. В Индии я всегда пользовался местной сим-картой и другим аппаратом, а тот телефон лодырничал, лежа на письменном столе.

Включив его, я увидел, что батарея и впрямь почти разрядилась. Порывшись в ящиках, я отыскал зарядное устройство и подсоединил его к розетке. Затем пролистал приложения и обнаружил, что за все время моей отлучки ни одна живая душа (роботы не в счет) мне не звонила и не писала.

Размышляя над этим, я переполнялся неизбежной в таких случаях обидой, но тут вдруг телефон озарился, точно раздумавший умирать уголек, и через мгновение заголосил, да так пронзительно, что бездомная кошка, оравшая за окном, бросилась наутек.

Я же вздрогнул и замер, уставившись на экран. Телефон трезвонил, а изумление мое нарастало, ибо вызов исходил с итальянского номера, от моей давней подруги или, скорее, наставницы, профессора Джачинты Скьявон. Я вспомнил, что год назад Чинта, как называли ее друзья, захворала. От нее уже давно не было вестей, и я боялся, что ей стало хуже.

Однако звучный голос ее был, как всегда, бодр и весел:

– *Caro! Come stai?*⁴

– Прекрасно, Чинта, – сказал я удивленно. – Как ты? Как здоровье?

– Отменное, *tutto a posto*⁵.

– Замечательно. Ты где?

– В Венеции. Сiju в аэропорту.

– Куда собралась?

– В Гейдельберг, на конференцию. Я, видишь ли, основной докладчик.

Пояснение было излишним, это само собой разумелось. Чинта была звездой на любой конференции, какой удавалось ее заполучить. Корифей в своей области (история Венеции), она училась с такими величинами, как Фернан Бродель и Шломо Дов Гойтейн⁶, и бегло говорила на всех основных языках Средиземноморья. Мало кто мог сравниться с Чинтой в эрудиции и известности, и потому было трогательно и даже чуть забавно видеть, что слава не заглушила в ней ручеек несуразного тщеславия, одну из ее наиболее обаятельных черт.

– А ты? – спросила она. – *Dove sei?*⁷

– В Калькутте. В своей спальне. Помнишь ее?

– *Certo, caro!*⁸ – Голос ее потеплел. – Разве такое забудешь? А эта штука все еще там? Как ее, голландская баба?

– Голландская жена. – Я помнил, как развеселило ее английское название длинных подушек-валиков, обожаемых бенгальцами. – Пришлось от нее избавиться, всю ее побила моль. Теперь я один-одинешенек.

– Но ты здоров?

Беспокойство, проскользнувшее в ее голосе, меня озадачило.

– Вполне. Почему ты спрашиваешь?

– Не знаю, *caro*... Сейчас мне привиделся сон...

– В аэропорту? – Я недоверчиво хмыкнул.

– *Beh!*⁹ Ничего удивительного. Я в уютном зале, в удобном кресле, мой рейс отложили из-за какого-то наводнения. Пока я жду, милый молодой *cameriere*¹⁰ приносит мне бокалы с просекко, понимаешь?

– Понимаю.

Я легко мог представить эффектное появление Чинты в зале, когда все взгляды обратились на высокую широкоплечую даму, отмечая ее мерцающие темные глаза и копну белокурых волос, ниспадающих на плечи в стиле кинозвезд былых времен. Всякий знающий Чинту не усомнился бы в том, что все тамошние *camerieri*, подающие бокалы с просекко, гурьбой кинулись к ней, едва она опустилась в кресло.

– Ну и вот, *caro*, я задремала, и перед глазами моими возникло видение... даже не знаю, что это было – сон или воспоминание. С возрастом, знаешь ли, уже не отличаешь сны от воспоминаний.

– Так что тебе привиделось?

⁴ Как поживаешь, дорогой? (*ит.*)

⁵ Все хорошо (*ит.*).

⁶ Фернан Бродель (1902–1985) – французский историк, предложивший учитывать экономические и географические факторы в анализе исторических процессов. Шломо Дов Гойтейн (1900–1985) – немецко-еврейский этнограф, историк, арабист и востоковед.

⁷ Ты где? (*ит.*)

⁸ Конечно, дорогой! (*ит.*)

⁹ Ну да! (*ит.*)

¹⁰ Официант (*ит.*); во мн. числе: *camerieri*.

– Я увидела тебя перед большим шатром, похожим на цирковой. Внутри было много людей, они смотрели какое-то *spettacolo*¹¹ – не знаю, что именно... Ты можешь это объяснить?

Я поскреб голову.

– Кажется, я что-то вспоминаю: твой первый приезд в Калькутту. Когда это было?

– Лет двадцать назад. Или двадцать пять.

– В общем, очень давно. Мы пошли в Индийский музей, что в районе Чоуринги, а потом ты захотела прогуляться по Майдану, помнишь? Это огромный парк в центре города. Ты заметила большой шатер, где шла *джатра*, фольклорное музыкально-танцевальное представление. Ты заинтересовалась, и мы постояли у входа, глянув на действо.

– Да, я помню!

Мне показалось очень странным, что Чинта, сидя в аэропорту, вдруг вспомнила столь пустячный, проходной момент.

– Мы смотрели-то всего пару минут. Удивительно, что через столько лет ты вспомнила именно это.

– *È vero*¹². – Чинта как будто и сама была слегка озадачена. – Не понимаю, отчего это вдруг показалось столь важным. Прости, я тебя не разбудила?

– Нет-нет, очень рад тебя слышать.

– И я тебя, – поспешно сказала она. Я понял, что она в замешательстве и хочет поскорее закончить разговор. – Чао, дорогой! Скоро поговорим. *Tanti baci*!¹³

Взбаламученный этим внезапным звонком, я улегся в постель и постарался припомнить тот давний день, когда мы с Чинтой гуляли по Майдану. Несмотря на все потуги, ничего примечательного, из-за чего тот эпизод запечатлелся в ее подкорке, не вспомнилось.

И тут мне пришла мысль. Вполне возможно, что я, завзятый архивариус, описал тот день в своем дневнике. Если так, отыскать запись будет нетрудно, ибо все свои бумаги я хранил в проржавевшем железном ящике, служившем мне репозиториумом.

Свесившись с кровати, я вытянул на свет божий этот ящик, исторгнувший клуб пыли, и откинул скрипнувшую петлями крышку, с которой просыпалось семейство жуков-долгоносиков. Весь мой архив, рассортированный, снабженный ярлыками и припудренный пылью, был на месте.

Вот и она, книжица в красновато-коричневом переплете. Запись, сделанная в день приезда Чинты, которую я встретил в аэропорту, содержала детали ее перелета. А вот что было на следующий день: “Экскурсия по старой Калькутте, посещение Индийского музея. Вопреки моим ожиданиям, иллюминированный Парк-стрит не заинтересовала гостью. Она предпочла прогулку по Майдану. Там шла джатра, о чем извещала большая афиша, привлекавшая ее внимание: женщина, обвитая змеями, Манаса Дэви”.

И тогда накатили воспоминания.

Годом раньше мы познакомились в Соединенных Штатах. Мне уже перевалило за тридцать, Чинта была на десять лет старше. Недавно я получил работу в библиотеке Средне-Западного университета, по окончании которого защитил ученую степень (разумеется, я подавал заявления на всевозможные преподавательские должности, но безуспешно – похоже, Америка не особо нуждалась в специалистах по бенгальскому фольклору раннего нового времени).

Уже тогда Чинта по всем статьям была видной личностью. Эффектная умница, она считалась уважаемым историком, который опубликовал авторитетное исследование о Венецианской инквизиции. Однако известность ей принес не только научный труд, своей славой (возможно,

¹¹ Представление (*ит.*).

¹² И правда (*ит.*).

¹³ Тысяча поцелуев (*ит.*).

скандальной) она была обязана личной трагедии, которую пережила в софитах публичного внимания.

В двадцать пять лет Чинта закрутила роман с редактором крупной итальянской газеты, мужчиной гораздо старше ее. Он бросил жену, Чинта родила ему дочь. Они были безоговорочно счастливы, Чинта работала над своей первой книгой и растила малышку Лючию.

Книга вышла в свет, когда девочке исполнилось двенадцать; вскоре Чинту пригласили на конференцию в Зальцбурге. Они с мужем решили превратить поездку в семейный отдых, первой улетела Чинта, через пару дней на машине за ней последовали муж, поклонник скоростных автомобилей, и дочка. При переезде через Долomitовые Альпы у машины отказали тормоза, и “мазерати” рухнул с крутого горного склона.

Уже того, что несчастье произошло со знаменитым журналистом, хватило бы, чтоб всколыхнуть итальянскую публику. Но неясные обстоятельства породили подозрение в злодействе, и история вышла на первые полосы всех мировых газет.

Незадолго до этого муж Чинты выпустил серию разоблачительных статей о мафии. После его гибели возникли слухи, что он стал жертвой заказного убийства. В результате дело обсуждалось в итальянском парламенте, было назначено расследование. Волей-неволей Чинта очутилась в водовороте нежеланной шумихи и в конце концов была вынуждена, взяв академический отпуск, бежать от папарацци в Америку.

Я и мои библиотечные коллеги следили за этой историей, разворачивающейся на страницах желтой прессы. О точном месте убежища Чинты мало кто знал, а потому нас ошеломило известие, что она обитает неподалеку и обратилась к директору библиотеки с просьбой о разрешении пользоваться отделом редких книг (в котором имелось солидное собрание исторических документов, переданное в дар итальянским ученым, еще довоенным иммигрантом).

Разрешение выдали тотчас, и в день первого появления Чинты в библиотеке вряд ли нашелся бы хоть один сотрудник, который под надуманным предлогом не заглянул в отдел редких книг, дабы узреть знаменитость, восседавшую за массивным пюпитром. И надо сказать, окутанная неуловимой грустью женщина в траурном, но элегантном наряде стоила того, чтоб на нее посмотреть.

В библиотеке отношение к отделу редких книг и особых собраний было почти таким же, как в больнице – к моргу (обстоятельство, что там и там надлежало работать в перчатках, давало пищу изрядному числу тяжеловесных острот). В читальном зале царила могильная тишина, которую от случая к случаю нарушал какой-нибудь лохматый аспирант. Выдача тяжелых книг и папок с документами считалась самой незавидной работой, и потому, естественно, ее доверили мне, новичку.

Вот так вышло, что во время двухнедельного пребывания Чинты в библиотеке я был носильщиком, доставлявшим затребованные ею материалы, и исполнял сию роль охотно ради удовольствия слышать, как сочным прокуренным голосом она произносит *Grazie mille*¹⁴. Она была весьма проста в общении и через день-другой уже звала меня Дино (на итальянский манер), но в читальном зале мы почти не разговаривали. Сблизило нас то, что мы оба были курильщиками.

Весна выдалась очень зябкой, и мы курили, нахохлившись в искусственном гроте возле главного входа библиотеки. Однажды мы были там одни, и я, пытаясь поддержать светскую беседу, спросил Чинту, не трудно ли ей свыкнуться со здешним суровым климатом.

– Нет, ничуть, – решительно сказала она, выдохнув дым. – Знаете, ведь я наполовину местная – моя мать родом из Лексингтона.

– Штат Кентукки? – уточнил я.

¹⁴ Большое спасибо (ит.).

– Да, – улыбнувшись, кивнула Чинта. – Моя мама по имени Алиса – уроженка Лексингтона.

Матушка ее, рассказала Чинта, происходила из семьи винокуров, тех самых, что изготавливали, как выяснилось, мой любимый бурбон. В юности она мечтала объездить Европу, особенно ее тянуло в Италию. Разразившаяся Вторая мировая война заставила повременить с мечтой, но позже Алиса ее осуществила и влюбилась в Венецию.

В Италии тех лет американцы были в большом почете, ибо все местные жители желали опробовать свой английский. Однажды Алиса плыла на вапоретто¹⁵ по Большому каналу, и *conducente*¹⁶, чрезвычайно симпатичный молодой человек, распознал в ней американку.

– Не могли бы вы помочь мне? – сказал он. – Я пытаюсь выучить английский...

– *Sì, certo*, – согласилась Алиса.

Из кожаной сумки парень достал книгу и попросил объяснить подчеркнутое предложение. Заядлый читатель, Алиса обрадовалась, увидев венецианский роман Генри Джеймса “Письма Асперна”. С тех пор она стала дожидаться именно этого вапоретто с тем самым *conducente*. Через несколько месяцев они поженились.

– Мама всегда была ужасно романтична, – сказала Чинта. – Кто, если не романтик, назовет дочь Гиацинтой?

– А что ваш отец?

– Венецианец до мозга костей! – Чинта рассмеялась. – Любит покупать и продавать, в чем весьма умел. Родители мои счастливы вместе.

– Они живут в Венеции?

– Да, всю жизнь, и я там родилась и выросла. Я из последних венецианок. – Чинта усмехнулась и пыхнула сигаретой. – *Basta*, хватит обо мне. Давайте о вас. Что привело вас на Средний Запад?

– Желание получить образование и ученую степень.

– Так вы, значит, ученый? И приехали сюда только ради учебы?

Не знаю, что на меня нашло, ибо я редко распространялся об обстоятельствах своего отъезда из Калькутты, но Чинта была так открыта со мной, и потому я, сам того не ожидая, выпалил:

– Нет, не только.

– Была и другая причина?

Я кивнул. Казалось, черные глаза ее смотрели мне прямо в душу.

– Женщина?

– Да.

– Пустились на ее поиски? Или бежали от нее?

– Ни то ни другое. Она внезапно умерла, и мне пришлось уехать. – Я глубоко вздохнул. – Это долгая история.

Чинта слегка сощурилась, но не стала ничего выпытывать.

– А где вы росли?

– В Калькутте, в Индии.

– Кальку-у-утта? – протянула она в своей неподражаемой манере. – Это ведь там Индийская национальная библиотека, верно?

Оказалось, что в конце своего академического отпуска Чинта собиралась возвращаться домой через Азию и неделю посидеть в Индийской национальной библиотеке. Зачем? А затем, что ее нынешнее исследование было посвящено роли Венеции в средневековой торговле пряностями.

¹⁵ Водный трамвай в Венеции.

¹⁶ Водитель (*ит.*).

Я знать не знал, что у Венеции была какая-то роль в той торговле. Но Чинта заверила, что дело обстояло именно так.

– Пряности занимали значительную долю в экономике города. Столетиями Венеция владела монополией на торговлю специями в Европе. – Чинта запрокинула голову и выпустила колечко дыма. – Огромные доходы ее вызвали всеобщую зависть, и португальцы вкупе с испанцами затеяли поиск иных источников, дабы разрушить венецианскую монополию.

Не знаю, что меня пленило больше – сам рассказ в столь непринужденной манере или невероятная оригинальность ситуации: человек собрался в Индию ради изучения истории Венеции! Учитывая социальный статус Чинты, я полагал, что путешествие ее будет обеспечено всем возможным комфортом, а все бытовые вопросы уже улажены. И никак не ожидал, что у меня, всего лишь младшего библиотекаря, знаменитость спросит совета, где ей лучше поселиться. Но она спросила, и я, поразмыслив, ответил:

– Я думаю, вы можете остановиться в “Гранд-отеле”.

– Он и впрямь “гранд”?

– Бесспорно, это самый шикарный отель в Калькутте, – сказал я, ибо в ту пору так оно и было.

– Тогда это не для меня. – Чинта покачала головой. – Хотелось бы такое тихое местечко, скромное, но чистое, какое в самый раз для серьезного ученого. – Она вновь выдула дымное кольцо и рукой его отогнала. Потом, не глядя на меня, тихо сказала: – Знаете, мне желательно сохранить инкогнито, если вы в курсе, о чем речь. Я хочу спокойно поработать и осмотреть город, понимаете? Совсем ни к чему, чтобы публика и тем более газетчики знали о моем приезде.

За те две недели это был единственный раз, когда Чинта обмолвилась о своей утрате и последующем шквале праздного любопытства.

– Да, конечно, я понимаю, – сказал я. – Есть именно такое место – тихий и чистый гостевой дом неподалеку от моей квартиры. Зиму я проведу в Калькутте и, если угодно, с радостью стану вашим экскурсоводом.

Чинта одарила меня своей знаменитой улыбкой, от которой сбило сердце.

– Да, я была бы вам признательна... *Grazie!*

На второй день ее пребывания в Калькутте мы прогулялись по Майдану. В то время на огромном пространстве парка частенько возводили свои шатры всякие бродячие труппы. Помнится, в тот день один шатер пользовался особой популярностью, со всех сторон к нему стекались зрители.

Перед входом красовалась большая (и, на мой взгляд, ужасная) афиша, где была изображена обвитая змеями женщина. Плакат, конечно, зацепил взгляд Чинты, попросившей объяснить его смысл. Я сказал, что здесь дают представление, основанное на известной легенде о повелительнице змей. Я намеренно говорил вяло, без воодушевления, надеясь, что этим объяснением гостя и удовлетворится, однако слова мои только разожгли ее любопытство.

– *Posso?* – Чинта показала на вход. – Можно взглянуть?

У меня упало сердце. Я не люблю джатру, это многочасовое представление, в котором нелепо костюмированные персонажи пишат фальцетом. Хуже всего, что в подобных “спектаклях” классический текст упрощался до незамысловатой байки.

Но объяснять это было долго, и я шагнул ко входу в шатер, не преминув отпустить саркастическую реплику:

– Сейчас перед тобой предстанет Индия, какую ты ожидала увидеть.

Чинта взглянула удивленно.

– Почему ты так говоришь?

– Ну как же, экзотика. Тем более что многие иностранцы считают Индию страной заклинателей змей.

– А что, все эти зрители тоже иностранцы? – Вскинув бровь, Чинта оглядела заполненные скамьи. – И для них это экзотика?

Я пожал плечами:

– Да нет, обычные люди, желающие убить время.

– Похоже, и у меня есть чуточка времени, которое надо убить, – улыбнулась Чинта. – Ты не против, если я немного посмотрю представление?

– Ничуть. А ты, я надеюсь, не против, если я тебя покину и немного прогуляюсь? Я вернусь, скажем, через пятнадцать минут.

– Да, прекрасно.

Когда я вернулся к шатру, Чинта уже ждала меня у входа.

– Ну как, понравилось? – спросил я.

– Очень! – Она энергично кивнула. – Разумеется, я ни слова не поняла, но мне было интересно наблюдать за публикой. Я никогда не видела столь замороженных зрителей. Они были точно *stregato*, околдованы.

– Не сомневаюсь. Такой народ поверит чему угодно, верно?

– Тебе вправду не нравится эта история? – удивилась Чинта. – Ты считаешь ее слишком вульгарной и заурядной?

Слова эти ожгли, точно крапива.

– Видимо, ты неверно поняла меня, – возразил я. – Я вырос на этой легенде. Вообще-то она была темой моей научной работы, я даже опубликовал статью об эпической поэме, основе сего представления.

Вдруг мне пришло в голову, что для моей карьеры было бы весьма полезно, если бы великая Джачинта Скъявон прочла мой опус (а еще лучше, дала о нем отзыв).

– Если хочешь, я покажу тебе статью, – сказал я. – Она небольшая, десяток страниц.

– Конечно, покажи. Я с большим удовольствием ее прочту.

Горячность, с какой я ухватился за сию возможность, сейчас, наверное, покажется странной, но в свое оправдание скажу следующее: я почувствовал, что несколько пал в глазах Чинты, представ самодовольным европеизированным снобом, и возжелал себя обелить. Уже наутро я отправился в гостевой дом Миссии Рамакришны, где квартировала Чинта, и оставил для нее экземпляр своей статьи “Заметки о датировке бенгальского народного эпоса”.

Мы условились вечером поужинать в ресторане, что был в двадцати минутах ходьбы от гостевого дома. Чинта уже ждала меня, когда я за ней зашел, и, шагая по тихому Южному проспекту, сказала:

– Я прочла статью, закончила прямо перед твоим приходом.

– И что скажешь?

– Браво! Очень интересно. Ты, безусловно, прав насчет картофеля.

Насмешливая нотка в ее тоне подсказала, что будет продолжение. Я ждал.

– Мне понравился твой слог. Возникает образ археолога, исследующего глиняный черепок. Язык твой хорош и точен.

– Спасибо, – сказал я. – Твоя похвала дорогого стоит.

Мы проходили под фонарем, и Чинта озадаченно покосилась на меня.

– Так что, для тебя эта поэма сродни безжизненному обломку, который интересен лишь тем, что может быть датирован по своему углеродному составу?

– Наверное, так. Я же, в конце концов, не литературный критик.

– Знаешь, те зрители на вчерашнем представлении, они ведь тоже не критики. Но как они слушали! Судя по их лицам, для них легенда не мертва.

– В смысле?

– Видел бы ты, как они были поглощены действием! Почти все до единого! В Европе сейчас такого не увидишь. Если б кто-нибудь надумал инсценировать “Неистового Роланда”, на спектакль пришли бы несколько ученых критиков и профессоров. Но вот такую публику – простых людей, юных и старых, мужчин и женщин – постановка не привлекла бы. Подобную толпу соберет лишь *кальчо*, футбол. Но и там ты не увидишь столько женщин. Нет, для вчерашних зрителей поэма жива! Она о том, что происходит здесь и сейчас. Для них она реальнее жизни.

– А чего ты хочешь? – парировал я. – Эти, как ты выражаешься, простые люди невежественны. Кажется, Маркс сказал, что крестьяне подобны мешку с картошкой. Ничего удивительного, что в их жизни полно всяких богов, богинь и демонов.

Чинта опять глянула искоса.

– Ты в самом деле не любишь простой народ?

Обвинение в снобизме заставило меня ощетиниться.

– Ты глубоко заблуждаешься! Я придерживаюсь левых взглядов. В студенческие годы я общался с маоистами и всегда был солидарен с рабочими и крестьянами.

– Ну да, *certo!* – Чинта подавила смешок. – В Италии у меня много знакомых маоистов и их попутчиков, которые усиленно пекутся о желудке простого люда, но не о том, что у него в голове.

– Которая набита черт знает чем. Я горжусь тем, что я разумный, светский человек научного склада ума. Извини, если это не соответствует стереотипам об индусах, но я не религиозен, не верю в сверхъестественное и ни в коем разе не примкну к целому сонму суеверных мумбо-юмбо.

Чинта помолчала, затем негромко спросила:

– Если все так, почему ты используешь религиозные слова?

– Это какие же?

– Например, “суеверный” и “сверхъестественный”. – Чинта изобразила пальцами кавычки. – Разве ты не знаешь, что они пущены в обиход Святой инквизицией? Задачей инквизитора было выкорчевать “суеверие”, заменив его истинной верой. Именно он решал, что “естественно”, а что “сверхъестественно”. Когда ты говоришь о своем неверии в “сверхъестественное”, возникает противоречие, поскольку это означает, что ты не веришь и в “естественное”. Одно без другого не существует.

– Да ладно тебе, это же просто понятия, – сказал я досадливо.

– Да, ты прав. Однако мир состоит из понятий, а эти два восходят к семнадцатому веку, хоть ты и мнишь себя таким современным.

Она попала в мою болевую точку, и ответил я грубовато:

– По-твоему, индусам не дано быть современными и разумными? Все они верят в богинь, ведьм и демонов, так, что ли?

– О мадонна! – Чинта внезапно остановилась и всплеснула руками. – Ты думаешь, в других местах люди в них не верят? Сильно ошибаешься! В Италии и Франции до сих пор полно тех, для кого колдовство и одержимость бесами самые обычные вещи.

– Не может быть! – не сдержавшись, выкрикнул я, ибо это противоречило моему представлению о Европе как кладезе здравого смысла. – Я не верю!

– Но это так. Ты, возможно, слышал о тарантизме?

– Нет, что это?

– Термин происходит от слова *tarantola*, названия ядовитого паука, обитающего на юге Италии. Тамашние жители верят, что с его укусом в человека вселяются бесы. Изгоняют их музыкой и особым танцем, известным как тарантелла.

– Но это же просто старинная музыкальная форма, появившаяся, кажется, в семнадцатом веке. Наверняка подобные предрассудки давно отмерли.

– А вот и нет. Тарантизм существует. Не так уж давно человек, которого я знала, опубликовал блестящее исследование по этому вопросу. Ты слышал об Эрнесто де Мартино?

– Нет, имя это ничего не говорит.

– Немудрено. За пределами Италии он известен мало, но я считаю его одним из главных мыслителей двадцатого века. Историк, фольклорист, этнограф, вдобавок он был коммунистом и адептом Грамши¹⁷. Но знаменит он своими исследованиями тарантизма, проведенными в шестидесятых годах, когда явление это считалось давно сгинувшим. Труды его особенно интересны доказательством того, что в некоторых частях Италии, колыбели рационального Ренессанса, тарантизм живехонек! В отличие от других исследователей, де Мартино подошел к вопросу непредвзято. Он не считал состояние этих несчастных крестьянок (а жертвами тарантизма преимущественно были женщины) бредовым. И не исключал вероятности, что с ними происходит нечто, не поддающееся обычным объяснениям.

– То есть он допускал реальность бесов, которые вселяются в людей, укушенных пауком? – опешил я.

– Да нет же! Он призывал не спешить с наклейкой ярлыка “сверхъестественное”, как неизменно поступали рационалисты, считавшие, что необъяснимой причинно-следственной связи не существует *в принципе*. Де Мартино приводит множество задокументированных случаев, которые невозможно объяснить так называемыми “естественными” причинами.

– Например?

– Хм... – Чинта задумалась. – Ну, скажем, предвидение, которое нынче называют прекогницией. Когда человек знает о том, что произойдет, еще до того, как событие свершилось.

– Вроде всяких гадалок и прорицателей? – Я фыркнул. – Неужели ты и впрямь веришь в подобную чепуху?

– Чепуху? Тогда как объяснить то, что случилось с ацтеками?

– С кем? Ты меня запутала.

– Разве ты не слышал об их предсказаниях? Задолго до испанского нашествия ацтеки знали о заморских захватчиках. Знали об их “огненных палках” и даже форме их шлемов. Потому-то и оказались беспомощны, когда вторжение состоялось. Люди думают, что знание о грядущих событиях подготавливает к ним, но зачастую оно лишь делает немощным.

Услышав это, я едва не рассмеялся. К счастью, мы уже дошли до нашей цели – китайского ресторана на Лэнсдаун-роуд. Открывая массивную дверь в виде красной луны, я сказал с наигранной беззаботностью:

– Уверенно могу предсказать лишь одно: еда, которую нам подадут, будет скорее индийской, нежели китайской.

Признаюсь, наша дискуссия меня слегка ошеломила. И даже не потому, что Чинта говорила нечто весьма странное (этим грешат многие), но она упорно отстаивала свою позицию, и уж это казалось неуместным, негожим, почти невежливым. Одно дело перед сном рассказать сказку ребенку, и совсем другое – на полном серьезе потчевать ею взрослого.

Однако Чинта мне нравилась, я не хотел потерять ее расположение, а потому решил сменить тему. Похоже, она приняла аналогичное решение, и ужин прошел в приятной обстановке. Но разногласия наши никуда не делись, и порожденная ими натянутость отношений чувствовалась в нашей беседе по дороге домой. Неловко распрощавшись, я дал Чинте свой номер телефона и попросил звонить, если что-нибудь понадобится.

¹⁷ Антонио Грамши (1891–1937) – философ, журналист, основатель и лидер итальянской компартии.

Я не рассчитывал на нашу скорую встречу и потому не удивился, что в последующие два дня Чинта не подавала вестей о себе. Я знал, что до конца недели она в городе, и я, выждав еще чуток, смогу отыскать ее в Национальной библиотеке.

Но она сама меня отыскала. Вечером, когда я уже почти расправился с ужином, зазвонил мой старомодный дисковый телефон. К своему удивлению, в трубке я услышал “Чао, каро!”. Голос ее звучал напряженно, и я спросил:

– Как дела, все ли в порядке?

– Не совсем. Есть новость. Надо срочно возвращаться в Италию. Завтра я улетаю.

Я не желал показаться любопытным, однако не хотелось и выглядеть бездушным.

– Надеюсь, ничего серьезного?

Помешкав, Чинта нехотя сказала:

– Наверное, ты знаешь о том, что случилось с моим мужем и дочкой?

– Да, конечно.

Я чувствовал, что она пересиливает себя и хочет поговорить, но только не по телефону.

– Хочешь, я приду к тебе? – спросил я.

– Да, пожалуйста.

– Буду через десять минут.

Чинта ждала меня у входа в гостевой дом.

– Давай прогуляемся, – сказала она.

Нынче погода не баловала. Январскую Калькутту окутал густой зловонный туман, нередкий в эту пору.

– Погода совсем не для прогулок, – сказал я. – Можем зайти ко мне, это недалеко.

– *Va bene*¹⁸, идем.

Обычно оживленные, улицы были тихи и почти безлюдны. Пока шли, мы не проронили ни слова.

Квартира моя небольшая, но в гостиной довольно уютно. Чинта уселась на диване, я налил нам по стаканчику бренди, купленному в магазине беспошлинной торговли.

Чинта сделала глоток, но молчала, уставясь в стакан. Затем без всяких понуканий с моей стороны начала говорить и рассказала о телефонном звонке от итальянского посла в Нью-Дели, передавшего просьбу (а вообще-то приказ) следователя явиться для дачи показаний о происшествии, в котором погибли ее муж и дочь.

Появились новые данные – полицейский рапорт, и следователь хотел допросить Чинту.

– Ты догадываешься, в чем там дело? – спросил я.

– Да, – кивнула Чинта и, помолчав, продолжила: – Речь о том, что произошло в Зальцбурге перед самой аварией, когда в отеле я ждала приезда мужа с дочкой. На машине они ехали из Милана. Понимаешь, Джакомо любил водить...

В тот день в зальцбургском отеле Чинта проснулась на рассвете от щемящего чувства тревоги. Состояние это было не внове, оно не покидало ее с тех пор, как муж стал получать анонимные угрозы. Однако нынче дурное предчувствие было настолько сильным, что ее дважды стошнило.

Дождавшись утра, Чинта позвонила в Милан и попросила мужа отменить поездку.

– Почему? – недоумевал Джакомо.

Чинта не знала, чем еще подкрепить свою просьбу, кроме *presagio*, нехорошего предчувствия из-за тех самых угроз.

¹⁸ Хорошо (*ит.*).

Муж нетерпеливо отмел ее страхи. Уверенный в себе, волевой человек, он привык, что ему угрожают. Не волнуйся, сказал он, гнусным *malavitosi*¹⁹ меня не запугать. И потом, Лючия страшно расстроится, ведь она так ждала эту поездку.

Оказалось, Джакомо приготовил сюрприз: редакция получила спутниковый телефон, и, пока он в дороге, звонить ему можно в любой момент. Муж продиктовал номер. Чинта его записала.

Техническое новшество заставило ее усомниться в своей интуиции, и она прекратила уговоры, потому что Джакомо все равно не послушался бы, а ей не хотелось выглядеть суеверной дурехой. Уверенность мужа ободрила Чинту, несколько развеяв ее тревогу. Она почти успокоилась и закончила разговор признанием, что ужасно соскучилась и ждет не дождется своих любимых.

Но днем, на конференции, дурное предчувствие вернулось, не давая сосредоточиться на выступлениях докладчиков. Чинта вышла из зала и, отыскав таксофон, набрала номер, сообщенный Джакомо. Через два гудка муж ответил.

– *Ecco!*²⁰ – засмеялся он. – Вот что такое спутниковый телефон! Мы катим по автостраде, а я с тобой разговариваю!

– Где вы?

– Где-то между Брессаноне и Инсбруком. Через пару часов будем в Зальцбурге.

Джакомо передал телефон Лючии.

– Мапочка! Тут так красиво! Жалко, ты не видишь!

– И мне жаль, *tesoro*²¹.

Они еще немного поговорили и распрощались. Казалось бы, все хорошо, но Чинте было как-то не по себе. В зал она не вернулась, поехала в гостиницу. В своем номере сидела в кресле и невидяще смотрела в окно, как вдруг услышала голос Лючии: “*Mamma! Ti voglio bene!* Мапочка, я тебя люблю!”

Слова эти прозвучали так ясно, что Чинта вскочила и огляделась. Она подумала, что Джакомо с Лючией доехали раньше и потихоньку вошли в номер. Никого не увидев, Чинта решила, что муж с дочкой затеяли игру в прятки. Она обошла комнаты, посмотрела в шкафах и под кроватями. Поняв, что в номере никого нет, Чинта кинулась к телефонному аппарату, через коммутатор вышла на межгород и набрала номер мужа.

Ответом были лишь треск и щелчки в трубке. Стараясь унять дрожь в пальцах, Чинта повторила вызов. Никакого ответа. Подумав, что могла перепутать междугородный код или еще что, она связалась с гостиничным оператором, заказала разговор и стала ждать, не сводя глаз с телефона. Текли минуты, Чинту уже трясло, как в лихорадке. Ожидание стало невыносимым, она позвонила портье и потребовала, чтобы тот поторопил оператора, ускорив заказ. Прошло еще две минуты, никто не перезвонил, и тогда Чинта выскочила из номера, бегом спустилась по лестнице и бросилась к стойке регистрации.

Портье и телефонный оператор маячили в служебном помещении. Распахнув дверь, Чинта потребовала объяснений. Служащие сказали, что несколько раз набрали указанный ею номер, но тот не отвечает.

– Где находился ваш муж, когда последний раз вы с ним разговаривали? – спросил портье.

– Где-то между Брессаноне и Инсбруком.

– Пожалуйста, успокойтесь, идите в свой номер. Я свяжусь с полицейским нарядом, патрулирующим этот участок, и выясню, в чем дело.

¹⁹ Уголовники (*ит.*).

²⁰ Здесь: видала! (*ит.*)

²¹ Милая (*ит.*).

Чинта медленно вернулась к себе; вскоре раздался телефонный звонок, она схватила трубку. На другом конце провода был *poliziotto*, итальянский полицейский. Чинта сообщила ему номер машины и сказала, что очень обеспокоена тем, что телефон мужа не отвечает. На некоторых отрезках трассы связь не действует, успокоил патрульный, однако на всякий случай будет объявлен розыск.

Через час телефон вновь зазвонил. Тот же полицейский известил, что экипаж вертолета обнаружил машину на дне глубокого ущелья. Никто не выжил.

– Конечно, время моих звонков было где-то зафиксировано, – сказала Чинта. – Внимательное изучение распечатки покажет, что я обратилась в полицию за час с лишним до аварии. Возникает вопрос: как я узнала о происшествии прежде дорожного патруля? Видимо, поэтому меня вызывают.

– И что ты скажешь?

– Так и скажу: позвонила мужу на спутниковый телефон и встревожилась, не получив ответа.

– А про остальное скажешь? Мол, слышала голос дочери.

Чинта посмотрела на меня как на дурачка.

– Нет, конечно. Сам прекрасно понимаешь, что об этом говорить нельзя. Меня сочтут сумасшедшей.

До сих пор она держалась, но теперь закрыла руками лицо, сотрясаясь в беззвучном рыдании.

Смотреть на это было невыносимо. Я подсел к ней на диван и обнял ее. Вся в слезах, она уткнулась мне в плечо. Еще никогда я не видел человека в столь безысходном отчаянии. Открытая рана ужасна у всякого, но особенно у столь сдержанной женщины. Я догадывался, что прежде она никому не рассказывала о пережитом в зальцбургском отеле.

Не помню, как долго мы так сидели. Потом я сказал, что в ее состоянии лучше не возвращаться в гостевой дом, я уступлю ей свою спальню, а сам лягу на диване в гостиной.

Чинта кивнула. Я приготовил ей постель, она прошла в спальню.

Спал я плохо и проснулся чуть свет. Чинта курила возле окна, глядя на занимавшуюся уличную суету. Заметив, что я уже не сплю, она села рядом и чмокнула меня в щеку.

– *Grazie, grazie!*

– Пустяки, Чинта, не за что благодарить.

– Нет, есть за что! Ты проявил сочувствие, хоть ужасный рационалист. Я тебе очень признательна.

– Да ну, не стоит.

Улыбнувшись, Чинта чуть отстранилась.

– Теперь ты столько всего знаешь обо мне, а я о тебе – почти ничего.

– Рассказывать-то особенно нечего. Ты слышала присловье “Внутренний мир индийского мужчины состоит лишь из заботы о пищеварении”?

– Неужели? – Чинта как будто всерьез размышляла над этой шуткой. – Нет, не думаю. Помнится, ты говорил что-то интересное о причине, по которой уехал в Америку.

– Ах, это... Ты вправду хочешь знать?

– Да, расскажи, – кивнула Чинта.

Я встал с дивана и поставил чайник на плиту.

– Кажется, я уже говорил, что в студенческие времена был попутчиком маоистов? Тогда их группы были очень сильны, они привлекали самых толковых идеалистов.

– Да, в мои студенческие годы то же самое было в Италии.

– И ты...

– Нет, – покачала головой Чинта. – Их идеи казались мне слишком простыми. Но ты, наверное, думал иначе?

– Дело-то было не в идеях.

– Значит, в женщине?

– Да. Ее называли Дургой в честь богини-воительницы, кем она и стала для меня. Я был юным книгочеем, витавшим в облаках и мечтавшим повидать страны, о которых читал. А потом в мою жизнь ворвалась Дурга, уже прославившаяся своей безрассудной отвагой. Она шла на невероятный риск, доставляя послания вооруженным повстанцам в глубинке. Я благоговел перед ней, чувствуя себя никчемным, эгоистичным буржуйчиком.

– И влюбился в нее?

– Да.

– А что она? Любила тебя?

– Наверное. Видимо, и я был загадкой для нее, как она – для меня. И вот возникли наши отношения, небезопасные для Дурги, поскольку я был не товарищ по партии, но всего лишь приспешник. Маоисты являли собой этакую секту, у которой всякий чужак вызывал подозрения. А уж я-то был на особой заметке, ибо все знали, что мой дядя – большой полицейский чин, и меня, похоже, считали лазутчиком, пытающимся выведать секреты. Однажды Дурга уехала из города, ничего мне не сказав. Такое бывало часто, но только в этот раз она не вернулась. Потом я узнал, что Дурга погибла в стычке с полицией.

– Кто тебя известил?

– Мой дядя-полицейский. Сказал, ее сдали собственные товарищи.

– Почему?

– Наверное, из-за нашей связи. А может, хотели подставить дядю. У Дурги нашли карточку с моим именем и адресом.

– *Incredible!*²²

– Вот так вот. Дядя сказал, он замнет дело, но я должен немедленно уехать. Меня отправили к родичам в Нью-Дели. Тогда-то я и стал рассылать заявления в американские университеты... мне, считай, повезло...

Чинта подошла и встала рядом.

– Твоей вины в том нет. Не казись.

Я уже давно не вспоминал о тех событиях и сейчас почувствовал, что теряю самообладание. Боясь сломаться окончательно, что было бы совсем некстати, я посмотрел на часы:

– Чинта, нам пора. Не дай бог, опоздаешь на самолет.

По дороге в аэропорт Чинта спросила, доволен ли я своей здешней жизнью и работой в библиотеке. Особого восторга нет, сказал я, но ничего другого не предвидится.

– С этим надо что-то делать, – возразила Чинта. – Ладно, подыщем тебе что-нибудь поинтереснее.

И вот полгода спустя, когда я вновь прозябал на Среднем Западе, пришло письмо от нью-йоркской компании, занимавшейся редкими книгами и древностями. Им требовался сотрудник в азиатский отдел, и ко мне обратились по отменной рекомендации профессора Джачинты Скъявон, приятельницы одного из директоров фирмы.

Несмотря на заманчивость предложения, я колебался, ибо переезд в Нью-Йорк пугал до одури. Знакомые в один голос уверяли, что город этот меня поглотит.

Я все еще мешкал, когда вдруг позвонила Чинта и велела не поддаваться страхам. Большая ошибка, сказала она, следовать привычным проторенным путем.

²² Невероятно! (ит.)

Звонок перевесил чашу весов, я принял предложение и, как оказалось, не прогадал. Дела мои шли столь успешно, что через пятнадцать лет я смог открыть собственную контору в Бруклине.

За эти годы Чинта еще выше поднялась на научном небосклоне. Поездки ее стали чаще, и, бывая в Нью-Йорке, она приглашала меня на неспешную совместную трапезу. Иногда пути наши пересекались на конференциях, совещаниях, аукционах. Мы обитали на разных континентах, но так или иначе виделись несколько раз в году. Она частенько подсылала мне клиентов, многие из которых были ее соотечественниками, и за это время я освоил в необходимом объеме итальянский.

Признаюсь, для меня остается загадкой, что такого Чинта нашла во мне, и оттого тем больше я ценю нашу дружбу. И всегда помню о том, что, если б не она, я бы навеки был погребен в могильной тишине университетской библиотеки. В моей жизни она сыграла столь важную роль, что я не мог не задуматься над ее вроде бы ничего не значащим телефонным звонком в Калькутту. Казалось, она вновь остерегает меня от того, чтоб по привычке идти проторенным путем.

Глянув на часы, я убедился, что еще не слишком поздно для звонка Пие. Набрал ее номер, она ответила после второго гудка.

– Добрый вечер, Пия. Знаете, я решил все-таки съездить к святилищу.

– Отлично!

– Можно это сделать завтра? Или я чересчур долго думал?

– Завтра годится. На утро у нас заказан микроавтобус, вместе с Мойной вы доедете до Басонти, главного речного порта Сундарбана. Там вас встретит некто Хорен Наскар, на катере он отвезет вас к святилищу, а потом еще засветло доставит обратно в Басонти, где вас будет ждать такси, на котором вы вернетесь в Колкату. Если все сложится, к ужину будете дома.

– План замечательный.

– Вы сможете к пяти утра подъехать на кольцо Гол-парк? Там вас заберет наш автобус.

– Конечно, легко.

– И еще: приготовьтесь, что утром на реке ветрено и прохладно. Да, и захватите смену одежды.

– Зачем?

Пия засмеялась.

– В Сундарбане, скажем так, слякотно и немало воды.

– Понял. А вы-то когда уезжаете в Бхубанешвар?

– Завтра утром. Видимо, по возвращении я вас уже не застаю?

– Наверное, нет, – сказал я и с надеждой добавил: – Может, свидимся в следующем году?

– Да, конечно. Тогда до встречи. Берегите себя.

– Вы тоже. До свиданья.

Типу

За несколько минут до пяти утра я, утеплившись джемпером и ветровкой, уже стоял на круговом перекрестке Гол-парк. Я внял совету Пии, и потому в холщовой сумке, висевшей на моем плече, была не одна, но целых две смены одежды, а также фотокамера, диктофон и электронная книга.

По обыкновению, улицы под нависшим мрачным небом окутал зимний вонючий смог, испятнанный кляксами фонарей. В начале шестого я расслышал отдаленный гвалт рассерженных голосов. Он становился все громче, вскоре в туманном мареве возникли два тусклых глаза, и через минуту возле меня остановился желтый автобус с логотипом Фонда Бадабон, из окон которого доносилась ожесточенная перепалка.

С моим появлением в салоне она стихла. На переднем сиденье я увидел Мойну, которая заняла мне место рядом с собой.

Тишина в автобусе длилась недолго. Едва мы тронулись в путь, как свара вспыхнула с новой силой.

Глянув через плечо, я обнаружил, что являюсь единственной взрослой особью мужского пола, все остальные пассажиры – женщины и дети. Впереди сидели сотрудницы фонда, облаченные, как и Мойна, в строгие накрахмаленные сари из натурального хлопка. Женщины на задах салона представляли собою пестрое сборище в мишурной синтетической одежде; некоторые из них были с детьми, кое-кто, прикрывшись краем сари, кормил грудью младенца.

Под разгоревшийся шум Мойна шепотом поведала, что женщины эти – “секс-труженицы” (был использован сей английский эвфемизм), выловленные полицией в кварталах красных фонарей Колкаты и других поселений. Поскольку все женщины родом из Сундарбана, стражи порядка обратились в благотворительный Фонд Бадабон, располагавший программой перевоспитания и трудоустройства падших женщин.

Причиной диспута стало невысокое жалование, которое мог предложить фонд в своих мастерских. Предполагаемые ремесленницы утверждали, что на такие деньги прожить невозможно, а персонал фонда гневно отметал их запросы.

К сожалению, сказала Мойна, битва эта обречена на поражение. Опыт показал, что спасенные женщины почти поголовно возвращаются к прежнему образу жизни.

– Откуда такая уверенность? – спросил я.

Мойна устало вздохнула.

– Мы уже давно занимаемся этой проблемой. Со времен Айлы.

Вот так я узнал о циклоне Айла, в 2009-м обрушившемся на Сундарбан.

Бедствие это, рассказала Мойна, встретили иначе, нежели прежние циклоны. Еще в конце девяностых годов в регионе установили систему оповещения, что давало время подготовиться к удару стихии. Загодя были разработаны планы массовой эвакуации, и миллионы людей перебрались в безопасные районы Индии и Бангладеш. В результате счет жертв был удивительно мал – по крайней мере, несравним с числом погибших от циклона семидесятого года.

Однако долговременные последствия Айлы оказались ужаснее, чем у его предшественников. Во многих местах береговые укрепления были смыты, и море захватило прежде недоступные ему участки; огромные площади некогда плодородной земли превратились в солончаки, став непахотными на десятилетие, а то и навсегда.

Эвакуация населения тоже возымела эффект, которого никто не мог предугадать. Оторванные от родных корней, многие беженцы решили не возвращаться домой, сознавая, что их и без того тяжелая жизнь теперь станет еще более непредсказуемой. Общины разрушились, семьи распались, молодежь хлынула в города, пополняя и так уже разбухшие трущобы, ста-

рики, отказавшись от попыток заработать себе на пропитание, превратились в уличных попрошайек.

Сундарбан, нищий край, всегда привлекал торговцев живым товаром, но после Айлы они налетали роями, умыкая женщин в отдаленные бордели и увозя трудоспособных мужчин на стройки за тридевять земель, а то и на чужбину. Многие из уехавших так и сгинули.

Порой казалось, рассказывала Мойна, что вода и суша ополчились на обитателей Сундарбана. Люди рыли колодцы, но из земли хлестала отравленная мышьяком жижа, они возводили дамбы, но невиданной мощи приливы их сметали. Даже рыбаки бедствовали: некогда их лодки проседали от улова, а теперь считалось удачей, если сеть приносила горсть рыбешек.

И что оставалось делать молодой поросли?

Жизнь в Сундарбане была настолько тяжелой, что с каждым годом исход молодежи возрастал, парни и девушки влезали в долги и воровали, чтобы заплатить агентам по найму рабочей силы. Некоторые тайком пересекали границу с Бангладеш и записывались в трудовые бригады, убывавшие в Бенгальский залив. А если не получалось, платили контрабандистам, чтобы в лодках переправили их в Малайзию или Индонезию.

Избежать такой судьбы можно было только одним способом – получить образование. Но как ребятам и девочкам из лесной чащи, при свечах учившимся по старым, из рук в руки переходившим учебникам, состязаться с городскими сверстниками, в распоряжении которых подготовительные курсы и свободный доступ в интернет?

У Мойны задрожал голос, краем сари она промокнула глаза. Однако нового потока слов долго ждать не пришлось.

Родив сына, она часто мечтала, что мальчик первым в их роду окончит колледж, будет изучать медицину или инженерное дело. Но ничего хорошего не вышло, с самого детства его преследовали несчастья, начавшиеся со смерти отца, который погиб, работая на Пию.

Спору нет, Нилима, сотрудники фонда, соседи и больше всех Пия были очень добры к вдове с ребенком. Мойна никогда ни о чем не просила, но несчастный случай с ее мужем лег тяжким грузом на душу Пии, и та делала даже больше того, на что можно было рассчитывать. Например, купила Мойне домик в Лусибари и открыла банковские счета на ее имя – один для бытовых нужд, другой для образования мальчика. Пия потратила бесчисленно часов на обучение паренька английскому и даже из Америки давала ему уроки по телефону или скайпу. Она подарила мальчику ноутбук, планшет, мобильный телефон последней модели, игровую приставку, музыкальный центр, а потом, узнав, что из-за частых отключений электричества он не может пользоваться этими устройствами, оплатила установку солнечных батарей на крыше.

– Вообразите, каково ему было владеть всем этим, обитая в Сундарбане, где ничего подобного в глаза не видели? – сказала Мойна.

Перечень даров был, как я понял, обобщающим образом затруднительного положения, в котором оказались мать с сыном из-за чрезмерной щедрости благотельницы, поместившей их в пузырь благополучия посреди беспросветной нищеты подлинной жизни.

Конечно, все это делалось из добрых побуждений, но в результате мальчик так и не смог приспособиться к своей среде. Еще подростком он начал говорить о том, что хочет уехать в Соединенные Штаты. В тринадцать лет, когда он дорос до средней школы, Пия забрала его к себе в университетский городок в штате Орегон, где жила и работала. Однако эксперимент этот был обречен на провал: Пия обитала одна в маленькой квартире, питалась консервами и часто уезжала в командировки, у нее не было опыта семейной жизни и воспитания детей. Предоставленный себе, парень связался с дурной компанией и уже имел неприятности с полицией. Через пару лет Пия привезла его обратно, опасаясь, что в Америке дело кончится тюрьмой.

Мойна поразила тому, как сильно изменился ее сын. В нем все было другим: одежда, стрижка, повадки. Даже имя его стало иным – свое истинное, Тутул, труднопроизносимое для

американцев, он сменил на Типу и требовал, чтобы его называли только так, иначе просто не откликался.

Местная школа ему явно не годилась, и Пия устроила его в дорогой интернат в Колкате. Но и там все обернулось скверно. Американские замашки его не глянулись учителям и одноклассникам. Дела стали окончательно плохи, когда в школе прознали, что он – далит²³ из Сундарбана. Родом из этих краев одни шлюхи и лакеи, сказал какой-то ученик. Типу расвирипел и здорово его отделал. Но парень тот был из влиятельной семьи, которая добилась исключения драчуна из пансиона.

Вернувшись в Сундарбан, он категорически отказался посещать школу, и ни мать, ни Пия не могли его заставить. На все их попытки мальчишка отвечал: “В интернете я узнаю куда больше, чем от любого учителя”.

Он и впрямь отменно управлялся с компьютером, да еще по-английски говорил, что твой американец, а потому имел источники дохода. К нему, вообще-то еще юнцу, за помощью обращались со всей округи. Типу начал зарабатывать, порой исчезал на несколько дней, но мать не знала, где он и откуда берутся деньги, а на ее вопросы он отвечал, что сотрудничает с центром по обработке телефонных обращений. Пришла пора подумать о колледже, да только Мойна уже утратила былую власть над сыном, который поступал как ему заблагорассудится. Он стал совсем чужим.

Мойна опять промокнула глаза и смолкла, глядя на рисовые поля и рыбные садки, мелькавшие за окном.

Я не мог и подумать, что мне суждено встретиться с Типу. Но в Басонти, когда мы шли по набережной, Мойна вдруг воскликнула:

– Ой, да вон же он! Типу!

– Где?

Она указала на невысокого худощавого парня, который, засунув руки в карманы джинсов, лениво шагал нам навстречу.

– Я и не знала, что он здесь. Наверное, Нилима-ди сообщила ему о вашем приезде. Только ее он и слушается.

В рассказе Мойны сын ее выглядел угрюмым озлобленным юнцом. Однако сейчас с одного взгляда стало ясно, что это личность совсем иного сорта: цепкий взгляд и порывистость движений наводили на мысль о голодной барракуде. Сходство с лоснящейся хищницей усиливали сияние серебряной вставки в ухе и высветленные пряди, торчавшие на макушке и прилизанные на висках. А что до его облачения, то майка с логотипом баскетбольного клуба “Нетс” и мешковатые джинсы, сползшие на бедра и явившие край ярко-красных трусов, в Бруклине смотрелись бы вполне уместно.

Быстро выяснилось, что наша встреча действительно организована Нилимой.

– Она попросила определить координаты святилища, чтоб знать его точную локацию, – уведомил Типу.

Сказано это было на вялом бенгали, но затем он перешел на английский, и голос его обрел живость.

– Здорово. – Типу подал мне руку. – Как оно, ничего?

– Здравствуйте. – Я ответил рукопожатием. – Я...

– Да знаю, кто вы такой, папаша, – ухмыльнулся Типу. – Про вас мне все известно.

Я оторопел.

– Откуда?

– Пробил вас в Сети.

²³ Низшая каста неприкасаемых.

Не знаю, что больше меня раздражило – нахальный тон или обращение “папаша”, точно к персонажу комикса. Не найдясь с достойным ответом, я решил просто игнорировать сию выходку.

– Где катер? – спросил я.

– Вон там. – Типу показал на причал, где сгрудились разнообразные суда.

– Какой из них наш?

– Вон тот.

Я-то думал, к святилищу меня доставит элегантное судно с мощным мотором, которое резво заскользит по воде, оставляя след из белых пенистых бурунов. Но увидел я неуклюжее корыто с кошмарными изображениями на бортах тигров и крокодилов, имеющих целью заманить однодневных туристов из Колкаты. Ни кричащая раскраска, ни лозунг на палубном ограждении “Веселые поездки по Сундарбану от Хорена Наскара” не могли скрыть того, что сие плавучее средство – всего-навсего уменьшенная версия устарелого парового баркаса, на бенгали известное как *бхотбхоти*, то бишь керосинка.

Мойна медлила с уходом, она, вероятно, охотно составила бы нам компанию, чтоб только подольше побыть с сыном. Однако Типу повелительным жестом отослал мать прочь, а меня настойчиво подтолкнул к сходням.

– Вперед, папаша, – скомандовал он. – Валандаться некогда. Шкипер уж весь извелся, говорит, упустим отлив. Валяйте на борт.

Сходни показались узковатыми, но я сумел-таки благополучно перебраться на палубу. За спиной моей раздался хриплый смешок.

– Молодец, папаша, справился! – Типу ловко пробежал по доске. – А я уж думал, сейчас дедок скovyрнется!

Он втянул сходни на палубу и проворно отвязал швартовые канаты. В нутре катера затрахтел движок, из трубы вырвался густой клуб черного дыма. Судно отвалило от пристани и начало движение, неуклюже переваливаясь с боку на бок в такт с квохтаньем мотора.

Рядом со мной возник Типу.

– Заночуете здесь, папаша?

– Нет, я должен вернуться в город.

– Жалко, а то бы я устроил вам развлечение. – Подмигнув, он сложил ладони ковшиками, словно поддерживая спелые груди, а затем описал руками окружности, изображая пышные бедра. – Смекаете, о чем я? Тут всегда есть где пошалить, только надо знать места.

Утратив дар речи, я безмолвно смотрел на него.

– Иль вы по другой части? – Типу достал из кармана сигарку. – Вам, как ветерану, первый косяк бесплатно.

Я понял, что он старается меня разозлить, и, не проронив ни слова, ушел в рубку.

На вид Хорену Наскару, кряжистому широкоплечему мужчине с брюшком, выпиравшим из-под белой рубахи и лунги²⁴, было за шестьдесят. Огромные солнечные очки в железной оправе скрывали верхнюю половину его пропеченного солнцем лица в глубоких морщинах, видимая часть которого напоминала старую автомобильную покрышку.

Усевшись на лавку подле рулевого, я достал блокнот.

– Стало быть, мы на пути к святилищу. А вы помните, как побывали там с Нилимой-ди?

– Конечно, помню. В семидесятом, после большого шторма. Ох уж и навел он шороху, еще хуже Айлы...

²⁴ Традиционная мужская и женская одежда у народов Юго-Восточной Азии и Океании, подобие длинной юбки: полоса хлопчатобумажной ткани, которая обертывается вокруг пояса.

Вскоре я понял, что штормы служили Хорену мерилom времени. Если китайцы исчисляли течение лет эпохами императоров Цяньлун и Цзяцзин, американцы – правлением президентов Кеннеди или Рейгана, то для Хорена веками на обширных временных пространствах были циклоны Бхола и Айла.

Последний внес серьезные перемены в его жизнь. До циклона Хорен, владевший несколькими судами, занимался рыбным промыслом. Но в шторм 2009-го два его траулера и другие корабли помельче перевернулись и затонули. После этого Хорен решил выйти из рыболовного бизнеса, поскольку доходы неуклонно снижались, перспективы же были явно безрадостны. Страховые выплаты он потратил на приобщение к туристической индустрии и сделал это очень вовремя, ибо Сундарбан набирал популярность у путешественников.

Мощный циклон семидесятого года запомнился иным – Хорен едва не лишился жизни. Шторм грянул, когда он вместе с дядей был в море. Их лодку выбросило на берег по другую сторону индийской границы. Суденышко не пережило жесткого приземления, а экипаж его забрался на дерево, где провел два дня, прежде чем увидел рыбаков из своей деревни, лодка которых чудом уцелела. Односельчане спасли потерпевших кораблекрушение. По дороге домой путники столкнулись с доселе невиданным хаосом, отбиваясь от бродяг, мародеров и бандитов, слетевшихся, точно стервятники, поживиться чужим добром.

Поездка к святилищу состоялась менее чем через неделю после сих испытаний, и потому легенда запомнилась Хорену в ином свете, нежели Нилиме, – то бишь злосчастными, что выпали на долю Оружейного Купца, заставив его покинуть родные края. Например, в памяти лодочника ярко запечатлелась страшная засуха – обезводевшие реки, ручьи и пруды, смрад от гниющей рыбы и сдохшей скотины. Голод, ополовинивший население страны; родители, продающие своих детей; обезумевшие люди, дошедшие до пожирания трупов.

Слушая легенду в изложении Хорена, я подивился еще одному ее отличию от варианта Нилимы. В том пересказе Купец представлял этакой жертвой, а у Хорена он выступал гордецом, считавшим, что благодаря своему богатству и уму сумеет уклониться от почитания божеств, представленных повелительницей змей.

В версии лодочника Оружейный Купец, загрузив на корабли свое семейство и все богатства, пустился в плавание именно потому, что хотел избежать владычества богини. Но гигантская волна (а точнее, *баан*, приливный бор, обычное явление на бенгальских реках) обрушилась на караван, лишив торговца почти всего состояния. Однако стихия пощадила его домочадцев, и вместе с ними он укрылся в прибрежной деревушке. На остаток денег Купец приобрел большой прочный дом, казавшийся надежным убежищем, и отправился в город за товарами на продажу. Вернувшись, он обнаружил, что в его отсутствие случился потоп и дом заполонили змеи со скорпионами, убившие его жену и семерых детей.

Но и тогда Оружейный Купец не оставил попыток улизнуть от Манасы Дэви: пассажиром корабля он отправился в дальние земли. Однако на полпути корабль захватили пираты, которые взяли Купца в полон и заточили в крепость. На его счастье, добросердечный капитан корабля (Хорен использовал слово *накхуда*, в старину имевшее широкое хождение в районах Индийского океана в значениях “судовладелец” и “скипер”) выкупил пленника.

Хорен смолк и почесал голову.

– Накхуда прозывался каким-то мусульманским именем... Иль... нет, запоматывал.

– Может, Ильяс? – подсказал я.

– Точно! – Хорен пристукнул по штурвалу. – Накхуда Ильяс! С ним-то Купец и путешествовал по разным землям, покуда не добрался до Оружейного острова.

– Названий тех земель не запомнили? – спросил я.

Хорен опять почесался.

– Вроде как была земля из сахара, где все сладкое, а еще тряпичная страна и цепной остров. – Он недоуменно пожал плечами. – История длинная и, в общем-то, бесплодная.

– А что стало с тем лодочником-мусульманином, поведавшим вам эту легенду? У него же была семья, верно?

– Они жили в дхааме, покуда старик не умер. Из всей семьи остался только его внук, недавно похоронивший мать.

– Вы с ним знакомы?

– Немного, – кивнул Хорен. – Бывает, пересекаемся на реке. Зовут его Рафи, ему лет семнадцать-восемнадцать.

– Чем занимается?

– В основном рыбачит. Выкручивается как может.

– Как думаете, удастся с ним поговорить? Наверняка он кое-что знает о святилище.

Хорен задумчиво пожевал губами.

– Встречу-то, конечно, можно было бы устроить, останься вы тут подольше. Но вы же приехали всего на день?

– Да.

– Тогда не выйдет. – Заметив мое огорчение, лодочник добавил: – Хотя кто его знает, может, нынче он как раз в святилище. Я думаю, парень туда часто навещается, когда не рыбачит.

Пароходик заложил крутой вираж и, покинув речную ширь, вошел в протоку, узкую, будто тоннель, пробитый сквозь лес. Отлив понизил уровень реки, и высившиеся берега в мангровых зарослях казались неприступными укреплениями из ила и густой листвы. Вокруг ни души, все – лес, вода, земля – словно замерло и вместе с тем дышало жизнью.

Прежняя словоохотливость Хорена, сосредоточившегося на коварно извилистом пути, иссякла. Не желая его отвлекать, я вышел из рубки и спустился на палубу.

Я стоял возле трапа и разглядывал мангровый лес, когда опять появился Типу. Цigarка, которую он мне предлагал, теперь торчала у него за ухом, в руке он держал бинокль.

– Не угодно ли воспользоваться оптикой, папаша? Услуга бесплатная, поскольку вы не всамделишный турист.

Я даже бровью не повел, что его рассмешило.

– Все еще злитесь на меня? – Типу попытался всучить мне бинокль. – Да ладно вам, папаша, я же просто подкальваю.

Отказ представил бы меня занудой, и потому я, этак нехотя, взял бинокль, поднес окуляры к глазам и настроил резкость. В этот момент катер обогнул береговой уступ, и протока вдруг закончилась, явив водную ширь, раскинувшуюся чуть ли не до горизонта.

– Река Раймангал, – сказал Типу. – На том берегу – Бангладеш.

– Да, вижу, хоть и нечетко.

– Бывали там, папаша?

Чиркнула зажигалка, я уловил резкий запах конопли.

– Раз-другой бывал в Дакке, – сказал я. – Моя семья, видите ли, жила в Восточной Бенгалии и сюда перебралась при Разделе Индии.

– Да-да, я знаю. – Типу едва не наступил на хвост моей фразе. – Ваша семья обитала в округе Мадарипур, верно?

Я опустил бинокль и уставился на него.

– Откуда вам это известно?

– Читал ваши публикации. – Он сощурился от дыма сигарки. – В вашем семейном чате.

– Что?! – возмутился я. – Но это же частная группа, вход в нее только по приглашению. Как вы получили доступ?

– Есть кое-какие способы. – Типу ухмыльнулся, показав свои акульки зубы.

Я испепелял его взглядом, не зная, что сказать. Он рассмеялся.

– Да все просто, папаша, – я веду страницы Нилимы в социальных сетях. Она же член вашей группы?

– Да.

– Ну вот так я и узнал, что ваши родичи из Мадарипура. А мне этот округ хорошо знаком. Я вновь изумился.

– Вы бывали в Бангладеш?

Моя недоверчивость (и, похоже, наивность) вызвала у него новый приступ смеха.

– Конечно! И навещался в ваш район. Всего-то и надо, что пересечь реку, а это пара пустяков. Желаете съездить?

– Нет. Тем более нелегально.

Типу пожал плечами.

– Я гляжу, вы верите в паспорта, визы и прочую муру, – сказал он, не выпуская самокрутку изо рта.

– Верю? – вскипел я. – Паспорт – это не вопрос веры!

– А чего ж так всполошились?

– Того!

Вообще-то он был прав. Я действительно верил в паспорта, визы, разрешения, зеленые карты и подобное. Для меня это были не просто куски бумаги или пластика, они обладали такой святостью, распространявшейся на учреждения, их выдававшие. Я вспомнил себя у стойки паспортного контроля и тот беспредельный ужас, пронзавший меня, если иммиграционный чиновник вдруг хмурился. Не скрою, меня кольнула смешанная с обидой зависть к моему собеседнику, плевавшему на всякие документы.

– Но у вас же есть паспорт, если какое-то время вы жили в Штатах? – сказал я.

– Конечно, тогда у меня был паспорт. У него истек срок действия, а новый я не получил. На кой тратить время в государственных конторах? Есть способы гораздо проще. Если у вас имеются деньги, выбирайте, паспорт какой страны желаете – Бангладеш, Индия, Малайзия, Шри-Ланка и так далее. Только скажите, что вам нужно, у всякой ксивы своя цена. Но если речь о поездке на пару дней, не надо ничего вообще. Переправились через реку – и вы в Бангладеш.

– Но вам-то что там понадобилось? Насколько я знаю, вы работаете в телефонном центре или где-то в этом роде.

– Вот еще! – Типу скривился, словно я нанес ему смертельную обиду. – С чего вы взяли, что я там работаю?

– Матушка ваша сказала.

– Ей-то откуда знать? – Он презрительно фыркнул. – В этих центрах одни неудачники, я к ним близко не подойду.

Я понял, что он задет, и не отказал себе в удовольствии слегка съязвить:

– И где же вы работаете? На какого-нибудь воротилу ради бесплатной травки?

Типу отмел этот вариант пренебрежительным смешком.

– Наркота? Да нет, папаша, в сферу со скверной репутацией, где доходы снижаются, а риски растут, соваться незачем. Это не по мне. Куда как интереснее перспективные отрасли вроде той, с которой я нынче связан.

– Это какая же?

– Перемещение людей. – Типу ухмыльнулся. – Уже сейчас это одна из крупнейших мировых индустрий, но продолжает быстро расти. Торговый оборот ее за прошлый год исчисляется миллиардами. Но вы, поди, даже не слышали об этой сфере?

– Вы правы. Понятия не имею, о чем вы говорите.

– Мои клиенты – люди, которым, скажем так, нужна помощь в поиске лучшей жизни.

Наконец я начал понимать, к чему он клонит.

– В смысле, мигранты?

– Именно. Люди вроде вас нынешнего или того, каким вы, наверное, были в моем возрасте.

– Но я-то уехал за рубеж легально. А ваша деятельность похожа на торговлю людьми. Типу рассмеялся.

– Как вы, однако, любите громкие слова! Я лишь оказываю необходимую услугу. В наших краях полным-полно неграмотных и бедных как церковная мышь горемык, которые, продираясь сквозь жизнь, рыбачат, крестьянствуют, рубят бамбук в лесу или собирают дикий мед. И так изо дня в день. Но вот рыба ушла, пашня превратилась в солончак, а в джунгли не войдешь, не подмазав лесничего. Вдобавок то и дело налетает циклон, который все разносит к чертовой матери. Как быть этим людям? Какой у них выход? Пока ты молод, ты не станешь сидеть сиднем и ждать голодной смерти. Мигрируют даже звери – спросите Пию. Если у тебя есть хоть кроха мозгов, ты уедешь, а для этого нужен тот, кто тебе в этом поможет.

– То есть человек вроде вас? – сказал я скептически. – Юнец из городка в Сундарбане.

– Кое в чем юнцы очень хорошо разбираются, папаша. И одна из таких штук называется интернет. Вам знакомо это слово?

– При чем тут интернет?

– При том, папаша, при том. – В тоне моего собеседника слышалась оскорбительная снисходительность, словно он втолковывал недоумку. – Интернет – ковер-самолет мигрантов, их транспортная лента. Способ передвижения – самолет, автобус, корабль – абсолютно неважен, ибо человеческие массы перемещает интернет. Вот так просто, папаша.

– Минутку! – возразил я. – Не вы ли сказали, что в своем большинстве эти люди бедны и неграмотны? Как же они выйдут в Сеть?

– Папаша, двадцатый век давно закончился. Компьютер больше не нужен, достаточно мобильного, который нынче есть у всех. Пусть ты неграмотный, позвонить и сказать, что тебе требуется, уж как-нибудь сумеешь, а все остальное сделает твой виртуальный помощник. Вы удивитесь, насколько хорошо и быстро соображает народ. Путешествие начинается не с покупки билета и получения паспорта, но с телефонного звонка и технологии распознавания голоса.

– То есть надо просто кому-то позвонить?

– Нет, все гораздо замысловатее. Как, по-вашему, человек понимает, что хочет лучшей жизни? Откуда, черт возьми, люди вообще знают, какая она, эта самая жизнь? Разумеется, через свой мобильник, где они видят фото иных стран, рекламу чего-то совершенно сказочного и всякую хрень в социальных сетях, опубликованную теми, кто уже совершил путешествие. И как же, вы думаете, эти люди поступят? Вернутся на рисовые поля? Вы, папаша, не пробовали заняться рисом? Не проводили, согнувшись в три погибели, целый день на пекле, когда вокруг кишмя кишат змеи и мошара? Вы думаете, кто-нибудь захочет этого, поглядев на фото приятелей, которые в берлинском кафе попивают карамельный латте? И тогда мобильник, показавший все эти картинки, становится проводником к связнику.

– Кто это, связник?

– На бенгали он называется *далал*. Это человек, который обеспечивает необходимые связи, отсылая мигрантов к одному абоненту, другому, третьему. Отныне мобильник – их жизнь, их путешествие. С помощью телефона оплачивают все стадии поездки, он же извещает, какой путь открыт, а какой нет, помогает найти пристанище и сохранить контакт с друзьями и родственниками, где бы они ни были. А по прибытии на место помогает освоить легенду.

– Какую еще легенду?

– О, это самая приятная часть моей работы – сочинение легенды для клиента. Я, знаете ли, славлюсь своими легендами.

– Не понимаю.

– Объясню. – Типу уже не просто говорил, но ритмично, словно рэпер, приплясывал, тыча в воздух рукою с самокруткой. – Если просишь убежища, скажем, в Швеции, надо подкрепить свою просьбу легендой, но не какой-то там старой байкой. Нужна история, которую захотят выслушать. Рассказы о голоде после наводнения, хворах из-за мышьяка в грунтовых водах, жестоком хозяине, избивающем за неуплату долга, – для шведов все это хрень собачья. Политика, религия и секс – вот что им требуется, и ты, если хочешь их заинтересовать, должен выдать рассказ о том, что тебя травят. И в этом я помогаю своим клиентам, снабжая их подобными историями.

Я не понимал, говорит ли он всерьез или просто выпендривается, но слушал его, пребывая в таком завороженном ошеломлении.

– Можно подробнее, с примерами? – попросил я.

– Беженцам из Бангладеш я советую выдать себя за индуистов или буддистов, спасающихся от гнета мусульман, а мигранты из Индии получают такую же инструкцию, но с точностью до наоборот, и все это прекрасно срабатывает. Кроме того, европейцы обожают истории, связанные с сексуальной ориентацией и половой идентичностью. Искусство, папаша, в том, чтобы определить, кому что подойдет. Надо изучить клиента и решить, какая легенда ему сгодится. Я, можно сказать, оказываю услугу “из пункта в пункт”.

– Каким образом клиенты о вас узнают, по объявлению или как?

– Никакой рекламы. Только молва в социальных сетях. Человек видит публикацию бывшего клиента и решает пойти тем же путем. Или просто заинтересуется, заглянет с друзьями, расспросит. Если желание созрело и денег у человека достаточно, я свожу его со связником. – Типу простер руку к дальнему берегу, изобразив нечто вроде танцевального па. – Большинство связников обитает в округе Мадарипур, вот почему время от времени я наведываюсь в Бангладеш.

– То есть в Индии такие услуги недоступны?

– Вполне доступны. Но в Бангладеш система отлажена лучше, поскольку существует давно. Я думаю, она работает бесперебойно с той поры, как пришли в движение семьи вроде вашей, папаша. Только не говорите, что ваши предки оформляли паспорта и визы, чтобы пересечь реку. Обошлись без них, верно?

– Верно, – сказал я. – Но тогда все было иначе. Сейчас граница наверняка охраняется. Не боитесь попасться? Там же полно пограничных нарядов.

– Ну и что? – Типу затянулся сигаркой. – Думаете, легко закрыть такую границу, что пролегает через лес на болотах? Кто знает обходные пути, обойдет и наряды. Ну а случись нарваться на погранца, ему расценки известны. Это лишь вопрос денег, которых в нашем деле хватит на всех.

Типу глянул на меня, глаза его блеснули. Он щелчком отправил окурок за борт.

– Надеюсь, папаша, вы не собираетесь болтать об этом с моей матушкой или Пией, правда?

– Нет, если вам не угодно.

– Не угодно. Я хочу, чтобы вы вообще не касались этой темы, окей?

– Хорошо. Не буду.

– Лучше не надо. – Он усмехнулся, но в тоне его слышалась легкая угроза. – А то еще выйдет какая-нибудь гадость.

– Например?

Ухмылка стала шире, показав зубы.

– Вдруг я залезу в ваш компьютер, и поди знай, чем это кончится.

Святилище

Уровень воды уже так понизился, что берег, извилисто уходивший вдаль, выглядел крепостной стеной, вылепленной из ила и увенчанной непроходимой путаницей густой листвы и паутины корней.

Моему непривычному глазу зеленовато-бурая матовость пейзажа казалась однообразно непроницаемой. Но, подметив туда-сюда метавшийся взгляд Хорена, я понял, что для человека, знающего, куда смотреть, лес полон знаков, поддающихся расшифровке и прочтению, как некие доисторические письмена.

Однако потом даже наш кормчий слегка растерялся.

– Помнится, дхаам должен быть где-то здесь. – Хорен показал на берег. – Но этот участок реки, похоже, сильно изменился.

В конце концов святилище в бинокль сумел разглядеть Типу.

– *Ойджэ!* Вон оно! – крикнул он, тыча пальцем вдаль.

Приподняв темные очки, Хорен всмотрелся в размытое пятно на речном берегу.

– Парень прав, – проворчал он. – Но храм совсем не там, где я думал.

– Как так? Не мог же он переместиться.

– Переместилась река, – был ответ. – Когда последний раз я видел дхаам, он стоял в глубине острова, а теперь – почти у самой воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.